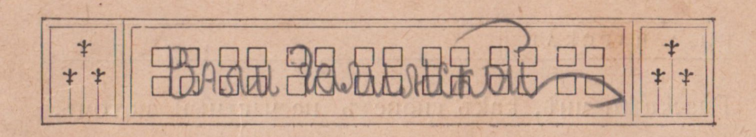

ГОЛУБАЯ ВОЛНА
СТИХИ
И
ПѢСНИ
Л. А. ЧАРСКОЙ
ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

□ □
□

Голубая волна, роковая волна,
То ты трепетъ и шумъ, то ты вся тишина,
Сколько пѣсенъ ты знаешь, о валъ голубой!
Сколько сказокъ таишь подъ своей глубиной!
Разскажи мнѣ, волна, о подводномъ дворцѣ
И о старомъ царѣ въ изумрудномъ вѣнцѣ,
И о лиліяхъ бѣлыхъ—царевнахъ морскихъ,
И объ играхъ веселыхъ и радостныхъ ихъ.
Разскажи мнѣ, волна, какъ подъ шумный напѣвъ
Вереница всплываетъ ликующихъ дѣвъ;
Разскажи, какъ загадоченъ тихій ихъ смѣхъ
И какъ дико веселье ихъ буйныхъ утѣхъ,
Какъ онѣ свои косы густыя плетутъ
И какъ путника нѣжно въ пучину зовутъ.

Разскажи мнѣ, какъ гибнетъ несчастный потомъ,
Позабывшись на вѣкъ зачарованнымъ сномъ...
Разскажи, какъ наступитъ затѣмъ тишина,
Ночь замѣнится днемъ... Разскажи мнѣ, волна!

□ □ □

ГОЛОСА МОРЯ

А МОРСКОМЪ БЕРЕГУ.

О чемъ звенитъ, о чемъ шумитъ
Пѣвучая волна?
Какія сказки говоритъ
Въ полночный часъ она?
Накрывшись пѣной, какъ фатой,
Несется синій валъ,
Бѣжитъ на берегъ онъ крутой
И на уступы скалъ.
Реветъ стихія. Этотъ шумъ—
Онъ грозенъ точно рокъ,
Онъ порождаетъ много думъ,
Сомнѣній и тревогъ.

Еще поутру рыбаки
Уплыли на уловъ...
Какъ лодки хрупкія легки
Для бѣшеныхъ валовъ!
Имъ будетъ трудно превозмочь
Напоръ жестокихъ волнъ,
И не одинъ увидитъ ночь
Въ борьбѣ неравной челнъ.

Но море стихло. Бури нѣтъ.
Смирился грозный звѣрь.
Въ сердцахъ зажегся яркій свѣтъ—
Надежды свѣтъ теперь.

Пловцовъ ихъ семьи дома ждутъ,
Покорныя судьбѣ.
Они плывутъ! Они придутъ!
Господь, хвала Тебѣ!

Послѣ бури.

Ночью буря была. Въ небѣ громъ грохоталъ,
И подъ черной свинцовою тучей
Подымался надъ моремъ рокочущій валъ,
Разливаясь волною могучей.
Рыбаки наканунѣ ушли далеко
На надежныхъ, испытанныхъ шкунахъ,
Но бороться со шкваломъ морскимъ не легко,
Когда царствуетъ гибель въ бурунахъ.
Но промчались часы и исчезла гроза
И затихла морская стихія...
Вонъ далеко-далеко видны паруса,
Это шкуны плывутъ дорогія.
Это шкуны устало несутъ рыбаковъ...
Всѣ-ль вернутся на берегъ живыми?
О, Господь! Сотвори свой великій покровъ
И продли свою милость надъ ними!

СЕСТРА РЫБАКА.

Открыта настежь дверь... У хижины порога
Стоитъ она, печальна и блѣдна...
Въ глазахъ тоска, и мука, и тревога...
Душа смятенія и ужаса полна.
Слеза туманитъ взоръ...—«Скажи о чемъ, родная?
Повѣдай мнѣ о комъ твоя печаль?
Такая юная, такая молодая,
И такъ грустишь? Зачѣмъ ты смотришь вдаль?»
— «Смотрю на море я!—она мнѣ отвѣчала.
Гляжу и жду... Уплылъ вчера мой братъ...
Зловѣще чайка поутру кричала...
Недобрый знакъ! Вернется-ли назадъ?
Въ деревнѣ слышали, что гдѣ-то утонуло
Сегодня въ ночь не мало рыбаковъ...
Но это что? Вотъ тамъ, вдали блеснуло?
То брызги, кажется, на веслахъ у гребцовъ...
О, радость!.. Вѣрно... да!.. Сюда... Сюда... Скорѣе!
Онъ живъ! Плыветъ!»—И минула гроза..
Печальный взоръ вдругъ ожилъ, сталъ бодрѣе,
И радостно затеплились глаза...

Объятья... Смѣхъ... Сердца блаженствомъ полны,
Глаза слезами, сладкими порой...
И лишь однѣ рокочущія волны
Бѣгутъ впередъ безстрастной чередой...

ЮЖЪ И АДРІАТИКА.

Синь небесъ... Лучи восхода,
Клики празднаго народа...
И цвѣты... цвѣты!

Сколько красокъ, жизни, свѣта,
Сколько радости, привѣта,
Блеска красоты!

Слышны сладостные звуки—
Чьи то трепетныя руки
Струны шевелятъ.

Всюду говоръ, оживленье...
Лодки въ праздничномъ смятеньѣ
По морю скользятъ.

Подъ жемчужною фатою,
Вся покорная прибою
Голубыхъ валовъ,

Ждетъ невѣста, замирая,
Южнымъ солнцемъ залитая,
Ждетъ у береговъ.

Папа дожа Себастьяна
Съ дщерью мощной оксана
Обручить рѣшилъ.

Чтобъ надъ бездною морскою
Какъ надъ вѣрною женою
Человѣкъ царилъ...

Вотъ зачѣмъ венеціане,
Горожанки, горожане
Къ морю собрались.

Разукрашены гондолы,
Сладкозвучныя віолы
Нѣжно раздались.

Въ лодкѣ, розами увитой,
Дожъ Ціани именитый
Съ музыкой плыветъ.

Отпрыскъ царственнаго рода,
На глазахъ всего народа
Себастьянъ встаетъ.

Перстень съ папскою буллою
Высоко надъ головою
Поднимаетъ онъ.

Кротко море голубое,
Притаилось не живое...
Стихъ віолы звонъ.

Въ знакъ покорности стихіи
Дожъ алмазы дорогіе
Морю отдаетъ.

И бросаетъ перстень въ волны,
Что порою, злобы полны,
Такъ страшатъ народъ.

И опять віолы сладкой
Звуки слышатся украдкой
Въ славу красоты.

И горятъ лучи восхода...
Громче возгласы народа...
И цвѣты... цвѣты...

□ □ □

ЦВѢТЫ и РИѲМЫ

Бѣлый лотосъ.

Въ коронкѣ бѣлой, душистый, нѣжный,
Дитя полдневныхъ восточныхъ странъ,
Весь тонкій, стройный и бѣлоснѣжный,
Онъ чуть колеблетъ свой гибкій станъ.
Какъ принцъ далекій, онъ гость случайный
Въ темницѣ нашихъ оранжерей,
Онъ полнъ туманной и тихой тайны
Во мракѣ нашихъ сырыхъ ночей.
Онъ грезитъ тихо, онъ грезитъ сладко
И точитъ слезы, весь полнъ тоски,
И плачетъ тихо, всегда украдкой,
Склоняя долу всѣ лепестки.
Цвѣтокъ индійскій, цвѣтокъ прекрасный,
Цвѣтокъ священный, онъ тихъ и нѣмъ...
Такой печальный, такой неясный,
Цвѣтокъ Востока, ты здѣсь зачѣмъ?

□ □ □

Водяная лилія.

Я бѣлая лилія—лилія чистая,
Я нѣжный цвѣтокъ водяной...
Бѣжитъ подо мною рѣка серебристая
И солнце горитъ надо мной.

Царица цвѣточнаго царства подводнаго,
Я тронъ свой воздвигла въ глуши,
Гдѣ шепчутся струйки потока холоднаго,
Гдѣ къ берегу льнутъ камыши.

Мой стебель зеленый змѣей извивается,
Роса въ сердцевинѣ моей,
Алмазомъ и яхонтомъ вся разгорается
При блескѣ полдневныхъ лучей.

Мнѣ ночью киваетъ луна золотистая,
Сквозь сѣти ночныхъ облаковъ...
Я бѣлая лилія—лилія чистая—
Царица подводныхъ садовъ

□ □ □

Кувшинки.

Въ углу пруда кувшинки расцвѣли,
Зелено-бѣлыя надъ рѣчкою хрустальной...
О, дѣти водъ, далекія земли,
Мнѣ милъ вашъ видъ холодный и печальный!.
Нѣтъ аромата въ васъ, нѣтъ прелести живой
И красотой вы взора не плѣнили,
Но тайной странною, красивой и нѣмой
Меня безмолвно вы невольно умилили...
Въ тиши рѣчной таите, мнится мнѣ,
Волшебный міръ велѣньемъ страннымъ рока.
И часто по ночамъ вы снитесь мнѣ во снѣ,
Какъ духи свѣтлые хрустальнаго потока...

□ □ □

Не рви цвѣтовъ.

Не рви цвѣтовъ, не надо!
Ихъ нѣжный ароматъ
Наполнилъ воздухъ сада,
Они такъ красятъ садъ!
Вѣдь у тебя, малютка,
Есть дома много розъ...
А здѣсь вотъ незабудка,
Вотъ ландышъ, полный слезъ;
Левкой—такой душистый,
Горошекъ, резеда,
Ромашки серебристой
Пахучая гряда;
И съ нивы занесенный
Прелестный василекъ,
И макъ кичливо-сонный;
И бѣлый-бѣлый дрокъ.
Не рви-жъ цвѣтовъ, не надо!
Ихъ нѣжный ароматъ
Наполнилъ воздухъ сада,
Они такъ красятъ садъ!

Подснѣжникъ.

— «Бабушка, милая, что ты грустишь,
Часто глубоко вздыхая?
Бродишь, какъ тѣнь, и ночами не спишь
Съ первыми числами мая»...

— «Крошка! Расцвѣлъ-ли подснѣжникъ-
цвѣтокъ?
Хочешь, пойдемъ за цвѣтами?..»
Смотритъ старушка на хрупкій пучокъ
Полными скорби глазами.

— «Бабушка, что ты? Ты плачешь? Больна?»—
Крошка волнуется снова...
Бабушка молвитъ, грустна и блѣдна:
— «Дѣтка моя! Я здорова!

Тѣломъ здорова, но сердце болитъ,
Полное жгучей печали...
Лѣтъ тому восемь...—какъ время летитъ!—
Гробъ мы цвѣтами убрали...

Гробъ твоей мамы и дочки моей...
Было то въ маѣ, весною...
Пѣли пичужки, и быстрый ручей
Бился хрустальной волною.

Было то въ маѣ, и въ чащѣ лѣсной
Первые вышли цвѣточки...
Ими обвила я кудри родной
Мертвой красавицы-дочки...

Все, что мнѣ дорого было тогда,
Все, что такъ сердце любило—
Бѣлый подснѣжникъ укрылъ навсегда...
Въ маѣ зеленомъ то было...»

Полевые цвѣты.

Дитя стоитъ въ травѣ душистой,
Слегка обрызганной росой.

Кругомъ—и ландышъ серебристый,
И колокольчикъ голубой,
И нѣжно-бѣлая ромашка,
И синій-синій василекъ,
И ало-розовая кашка,
И мака пылевый глазокъ.

Все здѣсь, въ волшебномъ царствѣ мая,
Полно небесной красоты...

И улыбаясь и кивая,
Ей шепчутъ нѣжные цвѣты:

— «Не уходи!—останься съ нами,
Вдали отъ свѣта и людей
Какими розовыми снами
Проходитъ жизнь среди полей!

Здѣсь ароматъ душистой лаской
Тебя, малютка, обольетъ,
Потѣшитъ нива длинной сказкой
И птичка пѣсенку споетъ».

ВЕСЕННЕЕ

Канунъ весны.

Еще подъ бѣлой пеленою
Спятъ мирно сонныя поля,
Но воздухъ дышитъ ужъ весною
И просыпается земля.

Еще рѣка корой одѣта
Холодной, гладкой, ледяной,
Но ужъ съ улыбкою привѣта
Лучъ солнца свѣтитъ золотой.

Еще молчатъ въ дубравахъ птицы
И рощи мертвыя стоятъ,
Но съ юга къ намъ ужъ вереницы
Крылатыхъ странниковъ летятъ.

Солнце встало!

Солнце, встань! Изъ алой дали
Зорька шлетъ привѣтъ съ улыбкой,
У рѣки подъ ивой гибкой
Коростели закричали.

Чаши цвѣтиковъ раскрылись,
И, обрызганы росою,
Вмѣстѣ съ сочною травою
Запестрѣли, заискрились...

И, горя отъ нетерпѣнья,
Ждутъ, какъ гостя дорогого,
Птицы солнца золотого
Въ пышномъ блескѣ пробужденья.

Къ небу жаворонокъ поднялся,
Прямо къ синему эфиру,
Возвѣщая утро міру,
Мелодично разсмѣялся.

Этотъ смѣхъ проникъ въ оконце,
Звуки въ теремъ залетѣли—
Солнце подняли съ постели...
Здравствуй, радостное солнце!

Пробужденіе Флоры.

Я знаю розовый пріютъ
Подъ темной кущей сада;
Цвѣты тамъ дивные цвѣтутъ
И царствуетъ прохлада.
Тамъ съ первымъ солнечнымъ лучомъ
Встаетъ царица Флора
И свой цвѣточный міръ кругомъ
Обходитъ въ часъ дозора.
На ней нарядъ изъ алыхъ розъ,
Изъ лепестковъ душистыхъ,
Вѣнокъ изъ самыхъ чистыхъ слезъ—
Росинокъ серебристыхъ.
— Вставайте всѣ,—поетъ она,—
Смотрите сколько свѣта:
Ужъ ночь давно покорена
Роскошнымъ утромъ лѣта
Проснись, медвяный мой жасминъ,
И ты, горошекъ милый,
И ты, спокойный скромный тминъ,
И сонный макъ унылый!

Проснись и ты, геліотропъ,
И бѣлая гвоздика,
Тюльпана ярко-желтый снопъ,
На вѣткахъ повилика;
И ты, любимая сестра,
Вся нѣжная, какъ греза,
Проснись въ роскошный часъ утра,
Моя царевна роза!
Вы, дѣти сѣверной страны,—
Настурціи и хмѣли,—
Оставьте розовые сны,
Вставайте всѣ съ постели!
И вы, любимыя мои,
Прелестныя малютки,
Постельки мягкія свои
Покиньте, незабудки!
Хотя природа вамъ кровать
Роскошную постлала,
Пора вставать, пора вставать!—
Царица вамъ сказала!

□ □ □

Пернатый узникъ.

Отчего притихла птичка
И ужъ больше не поетъ?
Можетъ быть, слуга лѣнивецъ
Мало корму ей даетъ?

Или, можетъ, разлюбила
Птичка домикъ золотой?
Но вѣдь онъ такой нарядный
И такъ блещетъ красотой.

Нѣтъ, не то! Пѣвецъ свободный
Чуетъ въ воздухѣ апрѣль,
Лѣсъ и лугъ, цвѣты и братьевъ
Призывающую трель!

Отпусти же, добрый мальчикъ,
Съ миромъ птичку на просторъ:
Пусть живетъ, поетъ на волѣ,
Какъ и пѣла до сихъ поръ.

[Н]а волѣ и въ клѣткѣ.

Крошка-птичка въ клѣткѣ тѣсной
Вдругъ притихла майскимъ днемъ,
По причинѣ неизвѣстной
Крошка-птичка въ клѣткѣ тѣсной
Загрустила подъ окномъ.

Солнце радостно сверкаетъ,
А на вѣткѣ передъ ней
Зябликъ звонко напѣваетъ...
Солнце радостно сверкаетъ
Блескомъ розовыхъ огней.

Зябликъ былъ недавно въ полѣ,
Въ рощѣ липовой порхалъ,
Отдыхалъ въ лѣсу на волѣ...
Зябликъ былъ недавно въ полѣ
И на липѣ отдыхалъ...

Крошка-птичка какъ въ темничкѣ,
День и ночь совсѣмъ одна,

Грустно бѣдной, бѣдной птичкѣ!
Крошка-птичка, какъ въ темничкѣ...
Горько плачется она:

—«Растворись, о, дверца клѣтки,
Дай мнѣ вылетѣть на мигъ,
Попорхать на вѣтку съ вѣтки.
Растворись, о, дверца клѣтки!»—
Шлетъ она печальный крикъ.

Улетѣлъ пѣвунъ крылатый
Въ лѣсъ, куда весна пришла,
Въ лѣсъ, нарядами богатый,
Улетѣлъ пѣвунъ крылатый,
Птичка-жъ въ клѣткѣ... умерла!

□ □ □

СКАЧИ, МОЙ КОНЬ!

Скачи, мой конь, во весь опоръ
Въ просторъ живыхъ луговъ,
Гдѣ пышный стелется коверъ
Изъ радужныхъ цвѣтовъ!

Какой просторъ! Какая тишь!
Нарядна вся земля...
Кругомъ—куда ни поглядишь,—
Цвѣтутъ луга, поля...

Туда направь свой быстрый бѣгъ,
О, конь мой вороной!
Еще недавно бѣлый снѣгъ
Лежалъ тамъ пеленой.

Еще недавно я и ты
Тамъ мчались какъ-то разъ,
Отъ мрачной зимней красоты,
Не отрывая глазъ.

Теперь ликующій апрѣль
Шлетъ радостный привѣтъ
И птицъ восторженная трель
Звучитъ ему въ отвѣтъ...

Скачи, мой конь, во весь опоръ
Въ просторъ живыхъ луговъ,
Гдѣ пышный стелется коверъ
Изъ радужныхъ цвѣтовъ!

□ □ □

ВЕЛИКІЕ ДНИ

НОЧЬ МИРА.

Въ великую ночь, какъ бывало всегда,
На небѣ далекомъ, нѣмомъ,
Высоко зажглась золотая звѣзда
Своимъ изумруднымъ огнемъ.
На темную землю свой кинула взоръ:
Царила тамъ черная мгла,
Тамъ слышались стоны, и крики, и споръ,
Тамъ жгучая распря жила.
И, тихо мерцая, шептала звѣзда:
«Ужели былъ посланъ Христосъ,
Чтобъ въ мірѣ жила роковая вражда
Средь стоновъ, и брани, и слезъ?
Ужель Виѳлеемскій Младенецъ рожденъ,
Чтобъ видѣть погибель всего?
Не вѣрю! Давно уже грѣхъ побѣжденъ
Цѣною страданій Его!
Опомнитесь, люди! И въ ночь Рождества,
Въ великую свѣтлую ночь,
Готовьтесь для встрѣчи Его торжества,
Старайтесь другъ другу помочь!

Въ ночь мира простите и злѣйшимъ врагамъ—
Нѣтъ мѣста для бури и грозъ...
Смотрите! Онъ здѣсь!.. Направляется къ вамъ—
Прекрасный Младенецъ Христосъ!»

Божій подарокъ.

Лучистымъ сіяньемъ межъ темныхъ высотъ
Зажженъ золотой огонекъ...
Онъ чистые помыслы къ небу несетъ,
Далекіе міра тревогъ.
Онъ, радостный сердцу лучистый маякъ,
Всѣхъ свѣтлой надеждой даритъ...
Кто голоденъ, алченъ, безъ крова и нагъ,
Для тѣхъ онъ свѣтлѣе горитъ.
Для тѣхъ, кто исполненъ вражды роковой,
Онъ скажетъ сіяньемъ лучей,
Онъ скажетъ безъ словъ, огонекъ золотой,
Озлобленнымъ душамъ людей:
«Зажегся я въ теплую полночь, когда
Родился Спаситель... Съ тѣхъ поръ
Промчались столѣтій далекихъ года,
Какъ мой загорается взоръ.
Пусть люди забудутъ печаль и вражду,
Пусть злобѣ наступитъ конецъ,
Господь Виѳлеемскую шлетъ имъ звѣзду
Въ подарокъ, какъ дѣтямъ отецъ».

Виѳлеемская звѣзда.

Въ небѣ между звѣздъ небесныхъ
Много сотенъ, долгихъ лѣтъ
Зажигается на небѣ
Лучезарный, дивный свѣтъ;
Зажигается въ Сочельникъ
Раннимъ зимнимъ вечеркомъ;
И сверкаетъ и искрится
Изумруднымъ огонькомъ.
Въ облакахъ ея не видно
И въ туманѣ иногда,
Но всегда она на небѣ—
Виѳлеемская звѣзда.
Путь къ Спасителю когда-то
Указала пастухамъ,
А теперь къ добру и миру
Путь указываетъ намъ.

ЗА ЛУЧИСТОЮ ЗВѢЗДОЮ.

Въ ту ночь далекую, когда въ степи
безбрежной,
Въ душистой южной мглѣ, въ тиши паслись стада, —
Раздался въ небесахъ звукъ гимна, тихій, нѣжный,
И въ облакахъ зажглась лучистая звѣзда.
Хоръ свѣтлыхъ ангеловъ, спускаясь по эфиру,
Тѣмъ гимномъ возвѣстилъ, что родился Христосъ,
Что Онъ всему, всему страдающему міру
Съ Собой великое прощеніе принесъ...
Звѣзда плыла въ ту полночь роковую
И пастухи за ней въ смятеньѣ духа шли;
Ихъ привела она къ пещерѣ, въ глушь нѣмую,
Гдѣ люди Господа рожденнаго нашли.
Съ той ночи въ небесахъ горючая, златая
Звѣзда является на небѣ каждый годъ
И, сердце трепетомъ священнымъ зажигая,
Къ Христу-Спасителю рожденному зоветъ.

КОЛОКОЛА.

Гулко звуки колокольные
Улетаютъ въ твердь небесъ,
За луга, за степи вольныя,
За дремучій темный лѣсъ.

Милліардомъ звуковъ радостныхъ
Льетъ пѣвучая волна...
Вся мгновеній дивныхъ, сладостныхъ
Ночь пасхальная полна.

Въ нихъ, въ тѣхъ звукахъ—мигъ прощенія,
Злобѣ суетной—конецъ,
Безпредѣльнаго смиренія
И любви златой вѣнецъ.

Въ нихъ—молитвы безконечныя,
Гимновъ дивныя слова,
Въ нихъ печаль и слезы вѣчныя
Смыты кровью Божества.

Въ нихъ земли восторгъ таинственный
И святой восторгъ небесъ,
Въ нихъ Безсмертный и Единственный
Богъ воистину воскресъ!

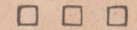

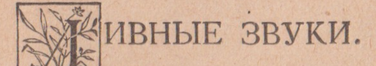
ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

«Христосъ воскресъ!» поетъ природа,
Шумитъ рѣка и шепчетъ лѣсъ;
Имъ вторитъ звучный крикъ народа:
«Христосъ воистину воскресъ!»

Богачъ и нищій у порога
Святого храма въ этотъ часъ
Въ молитвѣ общей славятъ Бога
Счастливымъ кликомъ много разъ.

Вражда исчезла... Люди—братья
Великой тайною небесъ...
Ихъ открываются объятья
И слышно: «Богъ-Господь воскресъ!»

ДИВНЫЕ ЗВУКИ.

Земля и солнце,
Поля и лѣсъ—
Все славитъ Бога:
Христосъ воскресъ!

Въ улыбкѣ синихъ
Живыхъ небесъ
Все та-же радость:
Христосъ воскресъ!

Вражда исчезла
И мракъ исчезъ.
Нѣтъ больше злобы—
Христосъ воскресъ!

Какъ дивны звуки
Святыхъ словесъ,
Въ которыхъ слышно:
Христосъ воскресъ!

Земля и солнце,
Поля и лѣсъ,—
Все славитъ Бога:
Христосъ воскресъ!

СКАЗОЧНЫЙ МІРЪ

Старый замокъ.

Я знаю страну, гдѣ лѣсныя озера
Сквозь вѣтви деревьевъ глядятъ,
Гдѣ въ небѣ, среди голубого простора,
Орлы-исполины парятъ.
Я знаю страну, гдѣ цвѣты такъ прекрасны,
Гдѣ блещетъ алмазомъ роса,
Гдѣ дали лазурныя чисты и ясны,
Гдѣ тихи и нѣмы лѣса.
Гдѣ точно живая картина межъ рамокъ,
Плющемъ изумруднымъ обвитъ
Старинный, чудесный готическій замокъ
Весь въ рощѣ глициній стоитъ.
Когда то онъ былъ недоступенъ и страшенъ
Для близкихъ и дальнихъ враговъ,
Теперь же громады разрушенныхъ башенъ
Поддались вліянью вѣковъ.
Когда-то, должно быть, за много столѣтій,
Здѣсь жилъ королевскій вассалъ,
Сіяли огнями развалины эти,
Отъ музыки замокъ дрожалъ

Гремѣли литавры и арфы звучали,
Веселье тамъ било ключомъ,
Тамъ рыцари ночь напролетъ пировали
Съ могучимъ и славнымъ вождемъ.
И двигался въ танцѣ въ спокойствіи гордомъ
Красавицъ сверкающій рой...
И лютня звучала пѣвучимъ аккордомъ,
Звеня серебристой струной.
Но минули годы, столѣтья промчались
Таинственно-сказочнымъ сномъ...
Отъ прежняго замка руины остались—
Легенда безъ словъ о быломъ.
Надъ нимъ небосклонъ, весь прозрачный и синій,
Со всѣхъ опрокинутъ сторонъ...
Готическій замокъ съ кустами глициній,
Не самъ-ли ты сказочный сонъ?..

КАЗКА ЛИЛІЙ.

Наклоняясь надъ звонкой струею,
Дивныхъ лилій сверкающій рой—
Бѣлоснѣжною, тѣсной семьею
Дышитъ влагой студеной рѣчной.
И въ полуночь душистаго мая
Онѣ тихо подъ говоръ струи,
Улыбаясь и робко кивая,
Шепчутъ дивныя сказки свои.
Онѣ шепчутъ про странный и чудный
Міръ таинственно плещущихъ водъ,
Про высокій дворецъ изумрудный,
Гдѣ подводный властитель живетъ,
Гдѣ сверкаютъ алмазныя прялки,
Гдѣ чудесныя пѣсни поютъ,
Гдѣ съ зарей молодыя русалки
Серебристую пряжу прядутъ.
Среди нихъ, какъ средь звѣздочекъ солнце,
Разодѣтая въ пышный уборъ,
Молодая царевна въ оконце
Направляетъ задумчивый взоръ.

Ей пріѣлись чертоговъ хрустальныхъ
Однозвучныя пѣсни и смѣхъ,
Не разсѣетъ ей мыслей печальныхъ
Шумъ веселыхъ подводныхъ утѣхъ.
Жаждетъ сердце царевны иного...
И, лишь мѣсяцъ взойдетъ въ небесахъ,
Она тихо изъ царства рѣчного
Поднимается въ свѣтлыхъ волнахъ.
Ярко свѣтитъ ей мѣсяцъ двурогій
И, неясныхъ желаній полна,
Выбѣгаетъ на берегъ отлогій
Безъ назойливой свиты она.
Словно пару сверкающихъ крылій
Эта дивная ночь ей даритъ...
Какъ чудесно среди этихъ лилій,
Какъ заманчивъ ихъ призрачный видъ!
Какъ воздушны онѣ и прекрасны,
Какъ нѣжны и блѣдны лепестки!
А межъ ними какъ царственно-ясны
Небеса въ отраженьѣ рѣки!
А изъ рощи серебряной трелью
Льется пѣсня ночного пѣвца,—
То соловушка, звучной свирѣлью
Заливаясь, поетъ безъ конца.
Но съ прощальной улыбкою ночи
Она мчится въ подводный чертогъ,
Когда синія, ясныя очи
Открываетъ лучистый востокъ,

СКАЗКА ЛИЛИЙ.

Чтобъ до новой полуночи майской
У оконца хрустальнаго ждать,
Чтобъ о пѣснѣ соловушки райской
И о лиліяхъ бѣлыхъ мечтать...

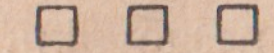

Фея весны.

Тамъ, гдѣ носятся стрекозы
Съ роемъ пестрыхъ мотыльковъ,
Гдѣ пахуче дышатъ розы
Нѣжнымъ вздохомъ лепестковъ,
Гдѣ, свой тонкій станъ сгибая,
Поднимаясь къ небесамъ,
Повилика молодая
Забѣлѣлась нѣжно,—тамъ,
Въ блескѣ зорьки пламенѣя,
Въ блескѣ солнечныхъ лучей,
Смугло-розовая фея
Вышла съ дудочкой своей.
У нея нарядъ изъ грезы,
Бѣлоснѣжный поясокъ...
Шумно носятся стрекозы
У ея малютокъ-ногъ.
А свирѣль звучитъ и таетъ,
Пѣснь то тихнетъ, то растетъ.
— «Пусть танцуетъ, пусть порхаетъ
Мой крылатый хороводъ!

(Въ звукахъ слышится свирѣли).
Праздникъ шуменъ, веселъ мой...
Звуки таютъ, таютъ трели
Надъ воздушною волной.
Я свирѣлью голосистой
Вамъ веселый шлю привѣтъ;
О веснѣ, веснѣ лучистой
Будетъ мною гимнъ пропѣтъ.
Пусть шумитъ веселый праздникъ,
Блещетъ перлами роса,
Шелеститъ зефиръ-проказникъ,
Ропщетъ майская гроза.
Сини-сини незабудки,
Алъ и радостенъ востокъ...
Вы, крылатыя малютки,
Ты, кузнечикъ, мотылекъ,
Веселитесь и играйте
Въ пляскѣ радостной стрекозъ...
Жизнь мгновенна ваша, знайте,
Какъ мгновенна жизнь и розъ.
Все пройдетъ: весна и счастье,
Воцарится ночь и тьма...
Сыпля стужу и ненастье,
Снова явится зима.
И умрутъ цвѣты и грезы
Подъ холодной пеленой,
Ало-пурпурныя розы,
Бѣло-розовый левкой.

Блескъ исчезнетъ изумрудный
Въ рощѣ, въ полѣ и въ лѣсу....
Мигъ короткій жизни чудной
Къ вамъ я съ пѣсенкой несу.
Наслаждайтесь въ праздникъ свѣта,
Въ праздникъ солнца и весны,
Въ праздникъ розоваго лѣта,
Счастья дѣтскаго полны!»

ѢСНАЯ ФЕЯ.

Въ чертогѣ зеленаго лѣса
Жила златокудрая фея...
Ей солнышко сладко свѣтило,
Румянцемъ заката алѣя.
И мѣсяцъ любилъ ее нѣжно,
Ей пѣли потоки лѣсные...
И дивныя, свѣтлыя сказки
Шептали цвѣты голубые.
Ей эльфы воздушной толпою
Плясали свой танецъ игривый...
И ландышъ кивалъ ей изъ рощи
Нарядный, живой и красивый.
Мохнатыя пчелки жужжали,
Пернатыя птицы ей пѣли,
И мѣрно качались надъ нею
Всегда изумрудныя ели...
Жила златокудрая фея
Безъ горя, тоски и сомнѣній,
Смѣясь и рѣзвясь, и играя,
Среди своихъ пышныхъ владѣній.

Однажды надъ русломъ потока
Малютка случайно гуляла
И вдругъ ей подобную фею
Въ прозрачной водѣ увидала.
«Вотъ дерзкая,—молвила крошка,—
Здѣсь въ царствѣ моемъ появилась!
Не хочетъ ли фея чужая,
Чтобъ съ нею я властью дѣлилась?
Напрасно! Владѣю я прочно
Зеленою чащей, цвѣтами
И струями вѣщихъ потоковъ,
И свѣжими, мягкими мхами.
Мнѣ эльфы лѣсные подвластны
И крошки пернатыя птицы,
И змѣекъ ползучія ленты,
И пестрыхъ жуковъ вереницы.
Уйди же, незванная гостья!»
И ручкой махнула прелестной.
И этотъ же жестъ повторился
Въ потокѣ у той, неизвѣстной.
«Ты такъ-то? Дразнить меня будешь!»
И топаетъ фея ногою,
А та, что глядитъ изъ потока,
Грозится своей чередою.
Вскипѣла красавица гнѣвомъ:
«Тебя проучить я сумѣю!»
И бросилась бить отраженье...
И рѣчка сомкнулась надъ нею.

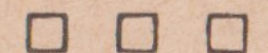
И фея въ рѣкѣ утонула...
Что басня моя поясняетъ?
Кто жаденъ, завистливъ не въ мѣру,
Тотъ многое въ жизни теряетъ.

□ □ □

ЕНІЙ ЛѢТА.

Геній лѣта, свѣтлой птицѣ
Весь подобный, въ колесницѣ
Ѣдетъ, мчится въ южный край...
Геній розовый, прощай!
Ярко факелы мерцаютъ,
Путь-дорогу освѣщаютъ...
Сколько блеска, сколько свѣта
Ты уносишь, геній лѣта!
Меркнетъ солнце!.. Какъ уныло
Надъ полями засвѣтило...
Сѣрымъ кажется эфиръ...
Безъ тебя не веселъ міръ!
Рѣчка вся похолодѣла,
Вся застыла, посинѣла,
А какъ весело струи
Щебетали въ дни твои!
Гдѣ цвѣты? Левкои, розы,
Чудо-дивныя, какъ грезы?
Ландышъ бѣлый, полный слезъ?
Геній лѣта все унесъ!

Все: рѣки и солнца ласки,
Незабудокъ синихъ глазки,
Рощи праздничный нарядъ,
Бирюзовый неба взглядъ...
Нивы, нивы золотыя,
Трели жаворонка живыя...
Блескъ полунощныхъ зарницъ,
Пѣнье радостное птицъ!
Такъ вернись же къ намъ, прекрасный,
Генiй розовый и ясный,
Съ первымъ признакомъ весны
Намъ верни былые сны!
Солнце, пѣсни, море свѣта,
Генiй розоваго лѣта...
Тѣнь лѣсовъ, цвѣточный рай,
Свѣтлый генiй, все отдай!

Дитя и фея.

Гулко плещетъ струя голубая
Въ молчаливой зеленой глуши...
Рѣетъ въ воздухѣ быстрая стая
Легкокрылыхъ стрекозъ не смолкая,
Съ звонкой пѣснью несясь въ камыши.
И веселыя, быстрыя рыбки
Въ легкой пляскѣ ведутъ хороводъ...
Чаши лилій, воздушны и гибки,
Расточая нѣмыя улыбки,
Смотрятъ ласково въ зеркало водъ...
Надъ струею дитя наклонилось.
Въ тотъ-же мигъ, точно въ сказкѣ,
предъ ней
Легкокрылая фея явилась,
Она бѣлой одеждой свѣтилась
И задумчивой лаской очей.
И сказала:
—«Останься со мною,
Будешь феей воздушной, какъ я,
Будешь стройною эльфой лѣсною

Рѣять быстро надъ сонной волною
Въ блескѣ свѣтлаго лѣтняго дня.
А погаснетъ за лѣсомъ денницы
Красно-огненный, пламенный кругъ,—
Соберутся въ лѣсу вереницы
Эльфъ веселыхъ, проворныхъ, какъ птицы,
Моихъ юныхъ красавицъ-подругъ.
Соберутся на праздникъ природы
При задумчивомъ блескѣ луны...
Будемъ съ пѣньемъ водить хороводы,
Мы, далекія горя, невзгоды,
Дѣти свѣтлой воздушной страны...»
И, замолкнувъ, малюткѣ внимала...
Отвѣчало ей смѣло дитя:
—«Вашу жизнь ты хвалила немало,
Ты весельемъ меня привлекала,
Но съ тобой не останусь здѣсь я.
За веселыя пляски и пѣнье,
За воздушный полетъ при лунѣ
Моихъ близкихъ забыть наставленья,
Ласки матери, пользу ученья
Поневолѣ приходится мнѣ...
Эти ласки вы мнѣ не дадите,
Я ихъ въ царствѣ лѣсномъ не найду...
Нѣтъ... Однѣ хороводы водите,
Съ пѣсныю волны рѣчныя гоните—
Я-жъ къ родимой и къ близкимъ иду!»

□ □ □

Полночная сказка.

Лучъ солнца багрянаго въ рощѣ погасъ,
Исчезъ какъ видѣніе сна,
Таинственно-чудный, плѣнительный часъ
Встрѣчаетъ съ природой она.
Дитя, но куда-жъ ты? Домой не спѣши,
Останься подольше въ зеленой глуши,
Здѣсь смуглые эльфы, какъ птицы, парятъ,
И чудныя сказки тишкомъ говорятъ.
Окутала рощу кругомъ темнота,
Какъ призракъ воздушный крадется...
Но что это? Явь или греза-мечта?
Кто въ вѣткахъ березы смѣется?
Малютка, не бойся! поэтъ-соловей
Чаруетъ то звонкою пѣсныю своей;
Онъ пѣсни и грустныя знаетъ
И часто до утра рыдаетъ...
Но вотъ загорѣлся въ травѣ огонекъ
Межъ кашкой и жгучей крапивой,
Какъ будто тамъ кто-то поспѣшно зажегъ
Свѣтильникъ рукой торопливой.

И шепчетъ оттуда и звонко поетъ:
—«Взгляни, изъ-за тучи вонъ мѣсяцъ встаетъ,
Сейчасъ мы начнемъ хороводы водить,
Изъ нашего царства не смѣй уходить!»
Ребенокъ кудрявый съ былинки глядитъ,
За нимъ, вонъ, другой вылетаетъ...
Вонъ третій... четвертый... Ихъ много летитъ!
Ихъ рой надъ малюткой витаетъ...
Всѣ шепчутъ, смѣются, куда-то зовутъ:
—«Ты съ нами останешься, милая, тутъ,
Ты будешь у насъ королева!»
Лепечутъ и справа, и слѣва.
И вдругъ все исчезло: и эльфы, и мгла,
Край синяго неба заря обожгла,
Свѣтильниковъ яркихъ погасъ быстро свѣтъ,
И эльфовъ-красавчиковъ больше ужъ нѣтъ!..

Приходится въ жизни не разъ наблюдать:
Умчатъ тебя пестрыя грезы,
Не хочется мысли отъ нихъ оторвать
Для сѣрой, для будничной прозы...
Но, милая, ихъ берегись, какъ огня:
Онѣ, какъ и эльфы, красивы,
Какъ эльфы умчатся съ сіяніемъ дня,
Заманчивы, пестры, но... лживы!

Мая.

Бѣлый цвѣтикъ—домикъ Маи,
Маи—феи блѣдноликой,
Выросъ тамъ, гдѣ рѣютъ стаи
Подъ расцвѣтшей повиликой
Пчелокъ быстрыхъ и пушистыхъ,
Надъ задумчивымъ жасминомъ,
Надъ цвѣтами розъ душистыхъ,
Надъ пахучимъ, прянымъ тминомъ...
Фея Мая любитъ солнце,
Ароматъ и свѣжесть лѣта,
И глядитъ въ свое оконце
Бѣло-палеваго цвѣта...
А вокругъ ея окошка,
Въ полдень розовый летая,
Губки феи пчелка-крошка
Приняла за цвѣтикъ мая...

Истина и счастье.

Надъ соннымъ городомъ двѣ женщины стояли...
Была одна изъ нихъ, какъ солнце, хороша,
Огнемъ надменности глаза ея сіяли,
Изъ нихъ смотрѣла гордая душа.
И пышное до пятъ струилось покрывало,
Фатой жемчужною былъ обвитъ стройный станъ.
Но взоръ ея сверкалъ огнемъ живымъ и яснымъ,
И въ немъ сіяли умъ и мыслей чистота,
И свѣтомъ неземнымъ, суровымъ, но прекраснымъ
Сіяла каждая спокойная черта.
И первая изъ нихъ, поднявшись на пригорокъ,
Взглянула внизъ, гдѣ городъ мирно спалъ,
И взоръ ея живой, внимателенъ и зорокъ,
Въ одно мгновенье ярче заблисталъ.
— «Я властвую надъ нимъ!—надменно прошептала
Красавица.—Нѣтъ дома тамъ, внизу,
Гдѣ-бъ щедро я свои дары не разсыпала,
И гдѣ-бъ не уняла я тяжкую слезу.
Я Счастіемъ зовусь, дары мои могучи.
Желанна людямъ я. Они меня зовутъ.

А ты? Что дашь ты имъ? Съ собой несешь ты тучи,
Ненастье и грозу... Скажи, зачѣмъ ты тутъ?»
— «Зовусь я Истиной,—промолвила другая,—
Пускай волшебницей ты доброю слывешь
И людямъ всѣмъ, какъ фея молодая,
Дары роскошные такъ щедро раздаешь.
Я буду близъ тебя и я тебѣ открою
Въ минуту радостей, довольства и пировъ,
Что тамъ еще, за той высокою стѣною
Подачекъ ждетъ голодныхъ много ртовъ.
И, ослѣпленной щедростью своею,
Тебѣ открою я всѣ нужды міра ихъ...
Изъ насъ полезнѣй кто? Ты-ль добротой твоею
Съ раздачею даровъ прекрасныхъ и благихъ—
Иль я, убогая, въ лохмотіяхъ смиренныхъ,
Но зоркая, какъ день, какъ соколъ съ высоты...
Безъ помощи моей всѣхъ нуждъ ихъ сокровенныхъ,
Прекрасное дитя, вѣдь не узнало-бъ ты!»

□ □ □

ОГАТСТВО ГЛУПОМУ НЕ ВПРОКЪ.

Вѣетъ, вѣетъ вѣтерокъ
Прямо съ юга на востокъ.
На востокѣ есть страна,
Злата-серебра полна.
Вѣетъ, вѣетъ вѣтерокъ...
Кому сказочка вдомекъ?

Вѣетъ, вѣетъ вѣтерокъ...
Полонъ радостныхъ тревогъ,
Шелъ мужикъ себѣ да пѣлъ
(Онъ богатымъ быть хотѣлъ),
Шелъ онъ прямо на востокъ.
Ой, вернись-ка, мужичокъ!

Вѣетъ, вѣетъ вѣтерокъ...
Но вернуться онъ не могъ.
«Жизнь сладка для богачей»,—
Мыслилъ онъ въ душѣ своей,
И шагалъ онъ на востокъ,
Подъ собой не чуя ногъ.

Вѣетъ, вѣетъ вѣтерокъ.
Шутку злую вывелъ рокъ:
Вотъ въ страну мужикъ пришелъ,
Кучу золота нашелъ.
Обезумѣлъ нашъ дружокъ,
Слова вымолвить не могъ!

Вѣетъ, вѣетъ вѣтерокъ,
Вѣетъ съ юга на востокъ.
Ну, бери, счастливецъ, кладъ!
Руки такъ вотъ и дрожатъ...
Только вспомнилъ мужичокъ:
«Класть куда-же? Гдѣ мѣшокъ?»

Вѣетъ, вѣетъ вѣтерокъ.
Съ горя бѣдный занемогъ:
Кладъ-то есть, а класть куда?
Позабылъ мѣшокъ. Бѣда!
Счастье глупому не впрокъ...
Кому сказочка вдомекъ?
Вѣетъ, вѣетъ вѣтерокъ,
Вѣетъ съ юга на востокъ!

СРЕДИ ПРИРОДЫ

ЛѢТОМЪ.

Всюду зелень кругомъ! И въ тѣнистыхъ садахъ,
И въ дубравахъ густыхъ, и въ дремучихъ лѣсахъ!
И зеленой волной отливаетъ рѣка,
Пробѣгая съ журчаньемъ въ тѣни тростника...

И куда ни посмотришь,—цвѣты и цвѣты,
Аромата полны и живой красоты:
На куртинахъ и клумбахъ роскошныхъ садовъ,
На безбрежныхъ поляхъ и подъ тѣнью лѣсовъ...

А поднимешь на небо задумчивый взоръ:
Словно постланъ на немъ бирюзовый коверъ,
Словно чудной красы исполинскій алмазъ
Ослѣпляетъ лучистымъ сіяніемъ глазъ!

И невольныя мысли и множество думъ
Наполняютъ тогда человѣческій умъ:
Какъ великъ, какъ могучъ и какъ благостенъ Тотъ,
Кто намъ создалъ въ природѣ такъ много красотъ!

Двѣ сказки.

Зноенъ день. А здѣсь прохлада
Въ царствѣ зелени густой.
Въ уголкѣ уютномъ сада
Пріютились братъ съ сестрой.
Пышны, зелены, красивы,
Уходя надъ ними въ высь,
Вѣтви старой, крѣпкой ивы
Прихотливо разрослись.
Братъ сестрѣ читаетъ сказки
Подъ шатромъ густыхъ вѣтвей;
Разгорѣлись ярко глазки,
Стали щечки розовѣй...
Сказка—прелесть! А надъ ними
Этотъ вешній ароматъ,
Ива съ вѣтвями своими,
Старый прадѣдовскій садъ,
Солнце съ яркими лучами,
Небеса безъ облаковъ—
Сами кажутся имъ снами,
Дивной сказкою безъ словъ.

Въ старомъ саду.

Я люблю эту тишь полудикаго сада,
Гдѣ березы и липы цвѣтутъ,
Гдѣ и тѣнь и покой, ароматъ и прохлада
Обрѣли неизмѣнный пріютъ.
Я люблю говорливой струи трепетанье
Серебристыхъ ручьевъ голубыхъ,
Я люблю вѣтерка молодого дыханье
И глаза незабудокъ живыхъ.
И люблю возвращаться я подъ вечеръ съ нивы
Мнѣ знакомой садовой тропой,
Когда липы, березы, стоятъ, молчаливы,
Когда сумракъ царитъ голубой.
И мнѣ чудится, какъ изъ живого потока,
Извиваясь въ студеныхъ струяхъ,
Выплываетъ русалка въ мгновеніе ока
И скрывается въ темныхъ вѣтвяхъ.
И киваетъ и манитъ меня водяница
И лепечетъ:—«Со мною побудь,
Ты работала много. Погасла денница
И ты можешь теперь отдохнуть.

Старый садъ такъ хорошъ. Много пѣсенъ я
знаю—
Жизнь русалокъ весельемъ полна,
Цѣлый день я рѣзвлюсь и пою, и играю,
Ты-жъ, бѣдняжка, работать должна!»
Но минута... другая... и кончена греза.
Нѣтъ русалки. Лишь старой сосѣдкѣ своей
Шепчетъ что-то, красиво бѣлѣясь, береза
Тихимъ шопотомъ пышныхъ вѣтвей...

Въ царствѣ мака.

Много въ полѣ чудныхъ маковъ—
Красныхъ, нѣжныхъ, бархатистыхъ,
Межъ обильныхъ хлѣбныхъ злаковъ,
Межъ колосьевъ золотистыхъ.
Сорванъ дѣвочкой-плутовкой,
Шепчетъ ей цвѣтокъ, кивая
Темно-алою головкой:
«Ты не рви насъ, дорогая.
Въ знойный полдень жаркимъ лѣтомъ
Мы такъ ярко расцвѣтаемъ
И съ застѣнчивымъ привѣтомъ
Всѣмъ головками киваемъ.
Ты не рви насъ торопливо:
Нѣтъ въ насъ, крошка, аромата,
Только выглядимъ красиво
Мы, нарядно и богато...
Ты пойди въ сады, гдѣ розы
Безконечной полны ласки,
Гдѣ левкои точатъ слезы,
Гдѣ жасмины шепчутъ сказки.

Насладишься ты довольно
　　В этом обществѣ душистом,
Нас же жить оставь привольно
　　В нашем полѣ золотистом».

Надъ книгой сказокъ.

Подъ зеленымъ и пышнымъ шатромъ
Густолиственныхъ старыхъ дубовъ,
На полянѣ, покрытой ковромъ
Самыхъ нѣжныхъ душистыхъ цвѣтовъ,—
Двое дѣтокъ присѣли въ тиши
И надъ книгой бесѣду ведутъ;
Имъ привольно въ зеленой глуши,
Гдѣ часы незамѣтно бѣгутъ...

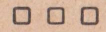
□ □ □

Въ этой книгѣ—собранье чудесъ,
Интересный, таинственный міръ:
Заколдованный сказочный лѣсъ
И царевича свадебный пиръ.

Въ этой книгѣ король-великанъ
Цѣлый городъ понесъ на плечахъ,
Осушилъ въ одинъ мигъ океанъ,
Нагоняя на подданныхъ страхъ.

Въ этой книгѣ чаровникъ лѣсной
Полонилъ королевскую дочь,
И опутана цѣпкой травой,
Она странствуетъ каждую ночь;

Она бродитъ, спасаясь отъ чаръ,
И печальныя пѣсни поетъ...
Въ этой книгѣ волшебнику въ даръ
Королевича карликъ несетъ...

А кругомъ все цвѣты и цвѣты,
Зелень мха и сіянье небесъ...
И такъ полонъ живой красоты
Этотъ чудный, таинственный лѣсъ!

□ □ □

Уснула...

Не въ дѣтской постелькѣ, — подъ синимъ шатромъ
Небесъ лучезарнаго мая
Забылась малютка младенческимъ сномъ,
Уснула моя дорогая...

Не старая няня ей сказку твердитъ,
Любимую, милую сказку,—
То шепчетъ гвоздика и нѣжно даритъ
Свою ароматную ласку;

То птичка на жердочкѣ тонкихъ вѣтвей
Поетъ свою пѣсенку нѣжно...
И грезится сладко малюткѣ моей,
И спится ей такъ безмятежно...

Ей снятся такіе чудесные сны
Подъ вѣяньемъ майской погоды,
Торжественно-радостный праздникъ весны
На лонѣ весенней природы.

Ей снится: цвѣты, наклонившись кругомъ,
Зовутъ ее въ царство растеній...
И спитъ моя крошка младенческимъ сномъ,
Безъ всякихъ заботъ и волненій.

□ □ □

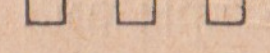

Въ лѣсу.

Въ тѣни густолиственной ивы,
Укрытый навѣсомъ вѣтвей,
Хорошенькій спрятался мальчикъ
Отъ няни старушки своей.
Ему улыбается сверху
Сводъ синихъ лазурныхъ небесъ,
И шепчетъ, ласкаясь къ малюткѣ,
Густой и таинственный лѣсъ:
— «Когда-бы остался у насъ онъ,
То сталъ-бы лѣснымъ королемъ
И свита изъ маленькихъ эльфовъ
Заботилась нѣжно о немъ.
И ландыши бѣлою стражей
Стояли-бъ у трона его,
И ночью, и днемъ охраняя
Покой короля своего.
Питался-бъ онъ медомъ цвѣточнымъ
И пилъ-бы ночную росу...
Ему-бы такъ весело было
Въ таинственно-дивномъ лѣсу!

Захочетъ-ли пѣсенъ послушать—
Тотчасъ запоетъ соловей,
Захочетъ-ли музыки звонкой—
Струею заплещетъ ручей.
А танцевъ король пожелаетъ—
Зажгутся въ травѣ свѣтляки
И эльфы всю ночь до разсвѣта
Пропляшутъ, воздушны, легки.
На праздникъ лѣсного владыки
Фіалки изъ чащи придутъ
И синихъ съ собой незабудокъ
Изъ топкихъ болотъ приведутъ.
И весело, весело будетъ—
На праздникѣ въ чащѣ лѣсной,
Пока на востокѣ пурпурной
Не вспыхнетъ заря полосой.
А день на постели зеленой
Король станетъ сладко дремать:
Ему изо мха и гвоздики
Самъ лѣсъ приготовитъ кровать.
Но лишь только мѣсяцъ двурогій
И звѣзды на небѣ взойдутъ,
Слетятся веселые эльфы
И снова свой праздникъ начнутъ».
— «Да, весело, радостно съ вами,—
(Шепнуло съ улыбкой дитя)
Вы чудно проводите время,
Играя, танцуя, шутя.

Но если порой мнѣ взгрустнется,
Захочется вдругъ отдохнуть,
Къ кому мнѣ тогда приласкаться,
Головкой склониться на грудь?
Кто ласки отвѣтной, сердечной
На мальчика свѣточъ прольетъ,
И нѣжной, душистой рукою
Головку его обовьетъ?
Кому я моимъ королевствомъ,
Весельемъ моимъ похвалюсь,
И съ кѣмъ моей властью лѣсною
Какъ истинный другъ подѣлюсь?
Гдѣ мама моя поселится?
Скажите, въ чертогахъ какихъ?»
И смолкли внезапно деревья,
И лѣсъ говорливый затихъ.
— «Безъ мамы, безъ ласки, безъ дружбы,
Короны не надо мнѣ, лѣсъ!»—
Промолвилъ надменно малютка
И вмигъ за опушкой исчезъ.

Ъ ЛѢСНОЙ ЧАЩѢ.

Въ чащѣ дѣвственной стараго бора,
Гдѣ вѣтвями сплетаются ели,
Вдалекѣ отъ докучнаго взора
Двѣ сестрицы, обнявшись, присѣли,
И тотчасъ-же волшебныя сказки
Имъ навѣяла чаща лѣсная.
Имъ смѣялись «Анютины глазки»
И лѣсныя фіалки, кивая.
Вѣтви бѣлаго, нѣжнаго дрока
Передъ ними къ землѣ пригибались,
И студеныя струйки потока
Оживленно о чемъ-то шептались.
Изумрудныхъ стрекозъ вереницы
Проносились въ эфирѣ предъ ними,
И пернатыя вольныя птицы
Ихъ касались крылами своими.
Цѣлый міръ зачарованный грезы
Открывался подъ кущами лѣса;
Этотъ дрокъ, эти дикія розы,
Этихъ елей живая завѣса,

Эта чаща въ вѣнцѣ изумрудномъ
На лазоревомъ фонѣ эфира—
Говорили о творчествѣ чудномъ,
О великомъ Создателѣ міра.

□ □ □

ВЕЧЕРЪ.

Солнце скрылось за рѣкою,
Дремлютъ алый макъ и розы...
Тихо шепчутся листвою
Темнокудрыя березы.
На рѣчной, песчаной мели
Полоса зари играетъ...
Плачутъ въ полѣ коростели,
Соловей въ лѣсу рыдаетъ!..
Въ этотъ часъ нѣжнѣе звуки,
Въ этотъ часъ звучнѣе лира...
Пой, пѣвецъ, про горе, муки
Твоего больного міра!..

Солнце скрылось за рѣкою,
Дремлютъ сонный макъ и розы...
Жизнь не кажется-ль иною
Въ этотъ часъ вечерней грезы?

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

Бѣлый ангелъ.

То былъ сонъ чудесный, лучезарный:
Между скалъ, подъ небомъ голубымъ
Къ ней явился ангелъ свѣтозарный,
Блѣдноликій, чистый серафимъ...
И повелъ дорогою тернистой,
Незнакомой, узкою тропой,
По горѣ, къ вершинѣ каменистой,
Все впередъ,—къ эмали голубой.
Высоко на каменной вершинѣ
Онъ на землю взоры обратилъ
И сказалъ:
— «Дитя мое, отнынѣ
Ты отдашь ей много, много силъ,
Будешь жить отъ года и до года
Для того, что видишь тамъ вдали—
Для печалей скорбнаго народа
И для нуждъ тоскующей земли.
Дамъ тебѣ я даръ живого слова,
Пѣсенъ даръ тебѣ я чудный дамъ...

Съ этимъ даромъ будь всегда готова
Ты войти въ искусства свѣтлый храмъ.
Этимъ даромъ—пѣснями твоими—
Ты утрешь сиротскую слезу
И враговъ ты сдѣлаешь родными,
И прервешь ты мщенія грозу.
Дашь въ печаляхъ сладкое забвенье,
Цѣлый міръ откроешь дивныхъ грезъ,
Всѣмъ скорбящимъ дашь успокоенье
И осушишь море горькихъ слезъ».
И исчезъ въ покровахъ темной тучи.
А она проснулась и глядитъ:
Нѣтъ ни скалъ кругомъ, ни темной кручи,
Только солнце яркое блеститъ,
Но въ груди неясная тревога
И смятенья трепетнаго жаръ...
Бѣлый ангелъ былъ посланникъ Бога
И принесъ ей вдохновенья даръ...

□ □ □

Ангелъ у постели ребенка.

Ночь... Тишина... У кіота
Тихо лампада сіяетъ...
Свѣтлый и радостный кто-то
Дѣтскій покой охраняетъ.
Очи, какъ звѣзды, мерцая,
Дивною блещутъ красою,
Кудри, до плечъ ниспадая,
Темною вьются волною.
Онъ изъ надзвѣзднаго міра
Въ міръ поднебесный явился,
Рѣя въ пространствѣ эфира,
Къ дѣтской постелькѣ спустился.
Вѣя крыломъ бѣлоснѣжнымъ
Въ милые сонные глазки,
Голосомъ тихимъ и нѣжнымъ
Шепчетъ онъ дивныя сказки...

□ □ □

Божій Посланникъ.

Когда голубая луна серебрится
Надъ кровлею дома родного,
Къ твоей колыбели, родимый, стремится
Посланникъ Великаго Бога.

Онъ блѣденъ и кротокъ, глаза голубые
Сіяютъ любовію чистой,
И чудные кудри его золотые
Ложатся волной золотистой.

И чудныя рѣчи онъ шепчетъ—хранитель—
Чуть слышно порою ночною
О томъ, какъ являлся на землю Спаситель,
Какъ жертвовалъ людямъ Собою.

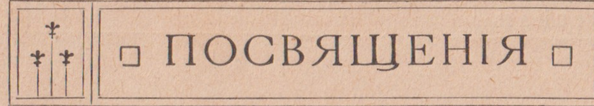
Какъ любитъ дѣтей Онъ и какъ ихъ жалѣетъ,
Какъ зло съ ихъ пути отстраняетъ,
И ангела шлетъ, что покой ихъ лелѣетъ,
И мирный ихъ сонъ охраняетъ...

МОЛИТВА.

Возьми мои руки въ пречистыя руки,
Веди меня, ангелъ-хранитель святой,
Туда, гдѣ нѣтъ горя, страданій и муки,
Туда, гдѣ царитъ величавый покой.
Крыломъ твоимъ бѣлымъ укрой меня, свѣтлый,
Кудрями коснись молодого чела,
Веди меня въ міръ тотъ желанный, завѣтный,
Куда не проникнетъ житейская мгла,
Гдѣ свѣтлые духи Творца прославляютъ,
Гдѣ дивныя, райскія пѣсни поютъ,
Гдѣ темныя мысли, какъ призраки, таютъ,
Гдѣ свѣтлыя думы, какъ грезы, встаютъ.

□ □ □

ПОСВЯЩЕНІЯ

МОЕМУ РЕБЕНКУ.

Ты мой ландышъ бѣлый, ландышъ
серебристый,
Майскій, юный ландышъ, свѣжій и душистый!
Ты мой тополь гибкій, молодой и стройный,
Отъ движеній вѣтра тополь безпокойный!
Ты мой мѣсяцъ свѣтлый, блѣдный и прекрасный,
Ты мой лучъ востока, золотой и ясный,
Ты мой валъ пѣвучій, пѣною покрытый,
Къ берегу морскому на песокъ прибитый.
Ты моя улыбка, ты мое дыханье!
Ты моя надежда, радость, упованье!
Выростешь, какъ тополь, сильный, несрав-
ненный,
Чистый и невинный, какъ цвѣтокъ полдневный...
И, какъ валъ кипучій, будешь до могилы
Людямъ-братьямъ въ помощь отдавать всѣ
силы,
Чтобъ тобой гордиться я могла бы много,
Чтобъ могла я вѣрить въ сына дорогого!

□ □ □

НА ПОРОГѢ ЖИЗНИ.

Для пѣсенъ и сказокъ явилась ты въ міръ,
Для радостей жизни и счастья...
Но, милая, жизнь вѣдь не сказочный пиръ —
Бываютъ въ ней бури, ненастья,
Бываютъ удары могучей грозы,
А рядомъ и солнце, и розы...
Случится, что послѣ печальной слезы
Прольешь ты счастливыя слезы...
Случится, что жизни могучій потокъ
Умчитъ тебя въ бурное море,
Гдѣ ждетъ не веселый, не радостный рокъ —
На вольномъ, на бурномъ просторѣ...
Но сильнымъ и смѣлымъ тотъ рокъ не страшонъ,
Пугаются слабые даромъ...
Вѣдь часто чудесный и радостный сонъ
Идетъ за тяжелымъ кошмаромъ...

Посмотри...

Посмотри, во ржи зеленой
Бѣлый зайчикъ промелькнулъ!
Вотъ онъ прыгнулъ... вотъ еще разъ...
И въ колосьяхъ утонулъ.
Посмотри... на вѣткѣ липы
Зябликъ пѣсенку поетъ...
Онъ сейчасъ поймаетъ мошку
И въ гнѣздо себѣ снесетъ.
Посмотри, въ колосьяхъ нѣжный,
Синій, маленькій цвѣтокъ
Подставляетъ кротко солнцу
Свой сапфировый глазокъ.
Зайчикъ, зябликъ и цвѣточекъ,
Цѣлый міръ и ты, и я—
Всѣ мы Божія творенья
Отъ бѣдняги до царя.
Всѣхъ могучею десницей
Онъ, Всесильный, одарилъ,
Всѣмъ настолько, сколько надо,
Далъ и разума, и силъ!

АЛЬЧИКУ.

У тебя золотистые кудри
Ниспадаютъ на плечи волной
И сіяетъ лучистымъ сіяньемъ
Твой, какъ небо, глазокъ голубой.
Твои губки, какъ вишенки, рдѣютъ,
И, какъ перлы, зубенки блестятъ,
Я люблю твои чудные глазки
И твой кроткій, задумчивый взглядъ.
Пусть-же сердце твое золотое
Будетъ вѣчно полно доброты,
Чтобъ душа была такъ-же красива,
Какъ красивы и нѣжны черты!

□ □ □

УЧИСЬ, ДИТЯ.

Учись, дитя, и познавай
Премудрость свѣтлаго ученья,—
Въ немъ правды непочатый край,
Къ добру великое стремленье.

Учись, малютка, понимать
Родимой Руси нашей силы,
Ея владѣнья познавать,
Героевъ славныя могилы.

Притоки вольныхъ русскихъ рѣкъ,
Ея могучія столицы,
И какъ росли изъ вѣка въ вѣкъ
Ея народы и границы.

Запомни доблесть тѣхъ мужей,
Что силы отдали Россіи,
И тѣхъ, что, поборовъ стихіи,
Слегли въ честь родины своей.

Единственная утѣха.

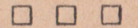
Утро синѣетъ лучистое
Въ пышномъ уборѣ своемъ,
Солнце встаетъ золотистое
Тамъ, за зеленымъ холмомъ.
Небо безбрежное, ясное
Свѣтится тамъ высоко...
Какъ въ это утро прекрасное
Въ сердцѣ свѣтло и легко!
Но и въ ненастье туманное
Свѣтитъ мнѣ лучъ золотой,
Если со мной ты, желанная,
Милый ребенокъ ты мой!
Ты—мое солнышко жаркое,
Ты—мой серебряный лучъ,
Утро весеннее яркое,
Ясное утро безъ тучъ!
Дѣточка, крошка прелестная,
О, какъ люблю тебя я!
Птичка моя поднебесная,
Радость! Утѣха моя!

Вѣнокъ.

(Неоконченное стихотвореніе).

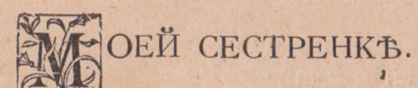
Для тебя, для малютки моей,
Принесла съ ароматныхъ полей,
Принесла изъ зеленыхъ луговъ
Много свѣжихъ, душистыхъ цвѣтовъ...
Незабудокъ пучокъ голубыхъ
И фіалокъ любимыхъ твоихъ;
Сорвала колокольчикъ лѣсной,
Весь обрызганный свѣтлой росой.
Изъ цвѣтовъ я вѣночекъ совью
На головку, малютка, твою.
Въ разноцвѣтной коронѣ цвѣтовъ
Ты мнѣ кажешься феей лѣсовъ...

КЪ МУЗѢ.

Въ дни печали, горя и тревогъ,
Въ дни страданій, стоновъ, слезъ горючихъ,
Замѣни, о муза, свой вѣнокъ
Ты вѣнкомъ изъ терніевъ колючихъ.
Нѣту мѣста въ немъ для лавровъ и для розъ,
Пусть твои страданьемъ полны строфы, —
Лавры прочь!.. Самъ въ терніи Христосъ
Распятъ былъ надъ камнями Голгоѳы...

□ □ □

Моей сестренкѣ.

У моей сестренки—
Ясные глазенки,
Ротикъ, какъ цвѣтокъ.
Вьется въ золотые,
Локоны густые
Каждый волосокъ.
А раскроетъ губки—
Перламутромъ зубки
Такъ и заблестятъ.
У моей сестренки
Ясные глазенки
И лучистый взглядъ.
Засмѣется крошка—
И опять въ окошко
Солнца лучъ блеснетъ,
Словно вся природа,
Небо и погода
Дружбу съ ней ведетъ.
Если-жъ ей взгрустнется,
Словно всколыхнется

И природа съ ней,
Небо хмуро станетъ,
Пѣсенку затянетъ
Дождь среди полей.

□□□

Смѣйся-же почаще:
Веселѣй и слаще
Станетъ жизнь кругомъ.
Съ ласкою привѣта
Много счастья, свѣта
Ты внесешь въ нашъ домъ.

□□□

У ВОДЫ

Надъ озеромъ.

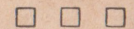
Полдень. Зной. А здѣсь въ глуши прохлада...
Чуть шумитъ надъ озеромъ тростникъ,
Въ уголку запущеннаго сада
Старый кленъ у берега поникъ.
Чуть бѣлѣютъ нѣжныя кувшинки
Надъ студено-свѣтлою водой,
Рѣютъ въ воздухѣ прозрачныя пылинки,
Низко блещетъ куполъ голубой.
На душѣ такъ ясно въ это утро,
Такъ понятенъ этотъ свѣтлый міръ,
Облака съ ихъ цвѣтомъ перламутра
И лазурно-розовый эфиръ...
Въ этотъ день, чарующій какъ сказка,
Какъ-то вѣрится въ грядущій счастья свѣтъ;
Какъ-то вѣрится, что есть на свѣтѣ ласка
И сердечный, дружескій привѣтъ.

ОЗЕРА.

Хрустальныя воды лазурныхъ озеръ
Хранятъ въ себѣ всѣ отраженья
И лѣса, и нивы, и рощи, и горъ,
И рукъ человѣка творенья.

Хрустальныя души дѣтишекъ живыхъ
Не тѣ-же-ль живыя озера?
Ничто не пройдетъ незамѣтнымъ для нихъ,—
Для свѣтлаго, дѣтскаго взора.

Они отражаютъ, какъ въ чистыхъ водахъ,
И счастье, и боль, и невзгоду...
Храните же въ этихъ хрустальныхъ сердцахъ
Прозрачную, чистую воду!

АЛЬ.

Надъ гладью озера поникъ,
Гдѣ даль волшебна и богата,
Въ часы вечерняго заката,
Всегда задумчивый тростникъ...
Не шелохнетъ нигдѣ рѣка,
Не дрогнетъ берегъ одинокій,
Ужъ погрузила въ сонъ глубокій
Его незримая рука ..
И только птицы въ этотъ часъ
Рѣзвятся низко надъ водою,
Скользя надъ бездной водяною,
Играютъ долго каждый разъ...
Уйдемъ туда! Насъ ждетъ челнокъ...
Умчимся вдаль! Тамъ такъ красиво!..
Тамъ солнце спряталось пугливо,
Тамъ сонъ природы такъ глубокъ!
И насъ желанный мигъ забвенья
Умчитъ отъ міра за собой,
Отъ міра съ пестрой суетой,
Отъ міра скорби и сомнѣнья...

И будемъ рѣять и летать
Надъ гладью водъ, какъ эти птицы...
А грезъ волшебныхъ вереницы
Намъ станутъ сказки навѣвать...

□ □ □

СОНЪ РЫБАЧКИ.

Анна—рыбачка и дочь рыбака,
Анна съ нуждою знакома,
Анну вскормила, вспоила рѣка,
Анна—на рѣчкѣ, какъ дома...
Удитъ-ли рыбу иль рѣжетъ тростникъ
(Онъ ей дрова замѣняетъ),
Смотритъ Анюта: предъ нею великъ
Міръ, словно въ сказкѣ сіяетъ...
Солнце, какъ золото, рѣчка—хрусталь,
Небо блеститъ бирюзою.
Моремъ сапфировымъ кажется даль,—
Сказкой чудесной такою...

Какъ-то заснула на рѣчкѣ. И вотъ
Фея рѣки передъ нею,
Чуждая горя, труда и заботъ,
Блещетъ красою своею.
— «Дѣвочка,—шепчетъ,—плывемъ въ тростники,
Тамъ мой дворецъ изумрудный,

Будешь, какъ я, ты принцессой рѣки,
Феей-красавицей чудной.
Будешь, какъ я, цѣлый день распѣвать
Пѣсни съ волною хрустальной,
Будешь изъ лилій вѣнки завивать,
Чуждая дали печальной.
Развѣ на радость—работать весь день?
Силы своей не жалѣя?»
Молвила... Смолкла... Исчезла, какъ тѣнь,
Свѣтлая, юная фея. .

Анна проснулась... Журчала рѣка
Звучно протяжную ноту...
Съ грустной улыбкою дочь рыбака
Вновь принялась за работу,
Въ тайнѣ жалѣя подъ шопотъ рѣки,
Сквозь непонятныя слезы,
Что такъ не долги счастливые сны,
Свѣтлыя, сонныя грезы...

□ □ □

Русская пѣсня.

Изъ струй холоднаго потока,
Изъ дали сѣрой и нѣмой,
Она, велѣньемъ дивнымъ рока,
Явилась звучною волной.
Изъ чащи лѣса изумрудной,
Изъ вольныхъ трепетныхъ степей
Она мелодiею чудной
Неслась надъ родиной своей.
Ее снѣга и стонъ мятели
Вскормили въ сумрачные дни,
Подъ тихiй скрипъ зеленой ели
Ей звучно вторили они.
Не о цвѣтахъ роскошныхъ юга,
Не о прибоѣ волнъ морскихъ,
И въ часъ труда, и въ часъ досуга
Она слагаетъ звучный стихъ.
Сѣдой туманъ, поля златыя,
Глухой и страшный темный боръ,
Снѣга и тройки удалыя,
И вѣтра буйный разговоръ,—

Вотъ все, чѣмъ сердце услаждаетъ
Родная пѣснь въ странѣ родной,
И кто ей съ трепетомъ внимаетъ,
Тотъ русскій сердцемъ и душой!

ѢСНЯ ПАСТУШКИ.

Съ алой утренней зарею,
Лишь забрезжитъ надъ горою
Розовый востокъ,

Я гоню гусей на волю
По увлажненному полю
Въ лѣса уголокъ.

Тамъ я пѣсни напѣваю,
Ароматный завиваю
Изъ цвѣтовъ вѣнокъ.

Солнце сядетъ за горами
И ночными вѣтерками
Дрогнетъ вечерокъ—

Гуси къ дому вереницей
Поплетутся. Я за птицей...
Кончился денекъ!

ПѢСНЬ АНГЕЛОВЪ.

Весь смуглый и темный, какъ южная мгла,
Съ кудрями, какъ ночь, смоляными,
Съ очами, гдѣ радость святая жила,
Съ созвучьями пѣсенъ святыми—
Явился архангелъ—небесный гонецъ.
И съ нимъ, лучезарный и ясный,
Въ кудряхъ бѣлокурыхъ такой-же пѣвецъ.
Задумчиво-нѣжный, прекрасный,
И дивный, весь въ золотѣ пышныхъ кудрей,
Въ спокойствіи кроткомъ, красивомъ,
Съ искрящимся блескомъ лучистыхъ очей,
Какъ искрится сталь подъ огнивомъ,
Слетѣлъ вдохновенный ребенокъ. Онъ пѣлъ
Съ друзьями крылатыми тоже,
И громко ихъ гимнъ надъ землею звенѣлъ:
«Великъ и могучъ Ты, о, Боже!
Всесиленъ Творецъ и низинъ, и высотъ,
Небесъ и земли охранитель...
И яркихъ свѣтилъ, и лазоревыхъ водъ,
И помысловъ темныхъ гонитель.

Дай пѣть Тебѣ славу крылатымъ пѣвцамъ,
Услышь наше, Боже, моленье...
Дай пѣснями славить Тебя небесамъ,
Землѣ дай покой и смиренье!»

ТАРАЯ ПѢСНЯ.

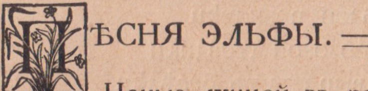
Старая пѣсня забытая...
Плачетъ шарманка разбитая,
Плачетъ подъ блѣдной рукой...
— Кто вы, скажите, такой?..
Старая пѣсня нескладная:
— Горе, печаль безотрадная,
Голодъ меня и нужда
Силой пригнали сюда...
Старая пѣсня! Угрюмою
Вѣетъ печальною думою,
Горькимъ рыданьемъ звенитъ,
Все объ одномъ говоритъ:
Въ дальней странѣ одинокія
Дѣти родныя, далекія,
Ждутъ день и ночь, безъ, конца,
Ихъ дорогого отца.
Бродитъ онъ съ ношей убогою,
Бродитъ чужою дорогою,
Весь безотрадно поникъ—
Бѣдный, голодный старикъ!

Сжальтесь, хоть скучно-плакучіе
Звуки шарманки тягучіе,
Дайте докончить ихъ пѣть.
Надо его пожалѣть!
Не для себя онъ старается...
Тамъ, далеко дожидается
Старца родная семья,
Слабо надежду тая,
Что насъ шарманкой разбитою
Тѣшитъ онъ пѣсней забытою,
И что вернется назадъ
Къ дѣтямъ и сытъ, и богатъ...

□ □ □

Цыганка.

Я родилась среди степей,
Подъ синимъ небомъ юга;
Я дочь задумчивыхъ полей,
Густыхъ лѣсовъ подруга.
Я понимаю лепетъ струи,
Травы неясный шопотъ
И вѣтра легкій поцѣлуй,
И бури грозный ропотъ.
Понятенъ мнѣ языкъ цвѣтовъ
Прелестныхъ и душистыхъ,
Лилово-синихъ васильковъ
Въ колосьяхъ золотистыхъ.
Цыганка я и мой костеръ
Горитъ въ степи, на волѣ,
Небесный пологъ мой шатеръ,
Моя отчизна—поле.

Пѣсня эльфы.

Ночью лунной въ паркѣ мальчикъ заблудился,
Изнемогъ, усталый на траву свалился.
Въ тотъ-же мигъ предъ крошкой, тихо напѣвая,
Появилась эльфа, эльфа-фея Мая;
Появилась въ дымкѣ сѣраго тумана,
Съ лентой изъ цвѣточковъ, свитою вкругъ стана,
Свѣтло-голубая, словно незабудка.
И шепнула тихо:
—«Здравствуй, мой малютка!
Пѣсенкой тебя я славной укачаю!
Это—пѣсня эльфы. Слушай. Начинаю:
Лѣсомъ свѣжихъ лилій, лилій бѣлоснѣжныхъ,
Розановъ душистыхъ, палевыхъ и нѣжныхъ,
Проведу тебя я въ замокъ потаенный,
Цѣпкимъ, дикимъ плющемъ плотно окруженный
Будешь жить отнынѣ въ замкѣ томъ укрытый,
Въ замкѣ томъ волшебномъ всѣми позабытый.
Разбужу я пѣсней звонкой, серебристой
Ручеекъ студеный съ струйкой голосистой,

Подниму я кликомъ соловьевъ уснувшихъ,
Пусть споютъ намъ пѣсню о ночахъ минувшихъ.
Алою зарею яркаго заката
Восхищу я взоры дорогого брата.
Кликну кличъ—и рыбки ото дна рѣчного
Принесутъ подарки—всѣ для дорогого!
И, обнявшись, вѣтки бѣлой повилики
Съ гроздьями пахучей, розовой гвоздики
Въ гротѣ темной чащи выплетутъ бесѣдки
И зашепчутъ сказки гибкія ихъ вѣтки.
И подъ звуки эти—радостный и свѣтлый
Ты заснешь, охваченъ дремой незамѣтной;
А проснешься—глянешь: солнышко ужъ встало,
Заревомъ восхода небо запылало,
Птички звонкой пѣснью въ чащѣ разлетались
И въ студеной рѣчкѣ рыбки заплескались»...
Долго пѣла эльфа, много, сладко пѣла,
Только все-же пѣсни кончить не успѣла.

□ □ □

До зари всю ночку мальчика искали,
Долго проискали и на слѣдъ напали.
Спалъ малютка крѣпко, сладко улыбаясь,
Въ сонной дѣтской грезѣ эльфой восхищаясь.
—«Пробудись, мой крошка! Ужъ давно свѣтаетъ,
Солнца лучъ веселый на листвѣ играетъ».
Дома ждутъ малютку и привѣтъ, и ласка...
Эта ночь и эльфа были только... сказка!

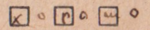
□ □ □

Пѣсня странствующей комедьянтки.

Мое имя Марица,—другого не знаю,
Моя кровля—кусокъ полотна...
На потѣху толпы я пою и играю,
Веселить ее вѣчно должна.
Я не помню семьи и давно ужъ кочую
По роднымъ и чужимъ городамъ.
Часто въ рощѣ и въ полѣ открытомъ ночую,
Иногда по крестьянскимъ домамъ.
Просыпаюсь я рано, съ пурпурной зарею,
Балаганъ убираю, мету,
И, смочивъ мои кудри душистой росою,
Ихъ въ тяжелыя косы плету.
Отправляюсь на площадь лишь только зажжется
Серебристая въ небѣ луна.
Тутъ вокругъ балагана толпа соберется,
Любопытства живого полна.
Восхищаются женщины яркимъ нарядомъ,
Украшеній моихъ мишурой,
И слѣдятъ онѣ долгимъ восторженнымъ взглядомъ
За моею веселой игрой.

Онѣ думаютъ вѣрно, что шелкъ, позументы
Могутъ сердце Марицы прельстить,
Что несвѣжій атласъ и линялыя ленты
Страшный голодъ заставятъ забыть?
Онѣ думаютъ вѣрно, что жизнь комедьянтки—
Вѣчно радостный, сказочный сонъ,
Что подъ хриплые звуки разбитой шарманки
Улыбается весело онъ?
И не знаютъ,—увы! что фальшивыя розы
Усыпаютъ тернистый мой путь,
Что подъ смѣхомъ веселымъ скрываются слезы
И сжимается бѣдная грудь!

Пѣсня лѣса.

Она зародилась въ дремучемъ лѣсу
Въ полдневный зной
И пѣла, и билась, и плакала тамъ
Звенящей струной.
Ей родиной были живые кусты
Гвоздики и розъ.
Шатеръ изумрудный сплетался надъ ней
Изъ липъ и березъ.
И жизнь ей давала рука-красота
Виллисы *) лѣсовъ,
И таяла пѣсня, и къ счастью звала,
Какъ сказка безъ словъ.

*) Виллисами называютъ у западныхъ славянъ лѣсныхъ русалокъ. Подобно тому какъ наши рѣчныя и морскія русалки плещутся въ водѣ и заманиваютъ своихъ жертвъ въ глубину рѣки, — виллисы, по народному повѣрію, обыкновенно блуждаютъ въ поздній часъ въ темнотѣ лѣса, перекликиваются съ птицами, поютъ разныя лѣсныя пѣсни и увлекаютъ за собою неосторожныхъ путниковъ въ непроходимыя дебри. Но существуетъ также преданіе, что виллисы заманивали въ чащу лѣса страдальцевъ и несчастныхъ и своими пѣснями старались успокоить ихъ страданія, вернуть имъ бодрость къ жизни.

И каждый, кто пѣснѣ той дивной внималъ,
Былъ силенъ и гордъ...

□ □ □

Но вотъ оборвался могучій, какъ жизнь,
Чудесный аккордъ.
И люди, съ восторгомъ внимавшіе ей,—
Звенящей вдали,—
Теперь безъ мелодіи пламенной той
Ужъ жить не могли.
И бились, и ждали, и, мучась въ тоскѣ,
Мечтали о ней,
О пѣснѣ цвѣтущей зеленыхъ дубравъ,
О пѣснѣ полей...

□ □ □

Постойте, я знаю тотъ тихій чертогъ,
Гдѣ розовый гротъ,
Гдѣ въ кущахъ душистыхъ коралловыхъ розъ
Виллиса живетъ.
Постойте. Въ шатеръ я проникну и вновь
Ее разбужу.
О гнетѣ, тоскѣ и безсильѣ людскомъ
Я ей разскажу.
Ее умолю я, случайный поэтъ,
Вамъ пѣть и играть,
И тихія грезы, и сладкіе сны
Изъ звуковъ сплетать.
Но только за это поклясться должны,
Мнѣ дайте обѣтъ:

Не будетъ межъ вами ни зла, ни вражды,
Ни зависти бѣдъ.
Другъ друга, какъ братья, клянитесь любить
И дружбою грѣть...
Проснется лучистая фея тогда
И будетъ вамъ пѣть...

□ □ □

ПѢСЕНКА ЭЛЬФОВЪ.

«Спи малютка! Въ царствѣ мая
Сладокъ дивный вешній сонъ.
Мы споемъ, тебя качая...
Слышишь тихій-тихій звонъ?
То цвѣты запѣли, розы,
Маковъ алая среда,
Бѣлый ландышъ, полный грезы,
Цвѣтикъ скромный—резеда.
Мы слились съ ихъ пѣснью чудной,—
Эльфы мая и цвѣты...
Въ этотъ полдень изумрудный
Въ царствѣ вешней красоты...
Спи малютка!.. Въ чащѣ сада
Грезы вѣютъ надъ тобой...
Грезы, тѣнь, покой, прохлада,
Сверху куполъ голубой...
И незримые летаютъ
Эльфы бѣлые надъ ней...
Сны ей тихо напѣваютъ
Сладкой пѣсенкой своей...

ВОСПОМИНАНІЯ

ДАВНО МИНУВШЕЕ.

Когда веселой чередою
Мелькаетъ въ мысляхъ предо мною
Счастливыхъ лѣтъ веселый рой,
Я точно снова оживаю,
Невзгоды жизни забываю
И вновь мирюсь съ своей судьбой...
Я вспоминаю дни ученья,
Горячей дружбы увлеченья,
Проказы милыхъ школьныхъ лѣтъ,
Надежды, силы молодыя
И грезы свѣтлыя, живыя
И чистой юности разсвѣтъ...

□ □ □

Дѣтскіе годы.

Мнѣ кажутся сномъ золотымъ
Счастливые дѣтскіе дни...
Наполнили душу мою
Чарующей грезой они.
И снова съ волненьемъ зову
Рядъ милыхъ видѣній ко мнѣ,
И сладостно грезитъ душа
Въ своемъ зачарованномъ снѣ.
Ей мнится—вернулась весна,
Сверкаетъ, сіяетъ кругомъ,
И дивныя пѣсни поетъ
О миломъ, далекомъ быломъ.
Подъ звуки тѣхъ пѣсенъ встаютъ
Надежды ребяческихъ лѣтъ
И новыя силы даютъ
Для новой борьбы и побѣдъ!

МАМА.

Какъ люблю я вспомнить дорогіе годы,
Дѣтства золотого радостные дни..
Чуждые заботы, чуждые невзгоды,
Вихремъ пролетѣли сказочнымъ они.
Помню домъ въ деревнѣ. Дѣтскую большую..
Кресло... Въ креслѣ маму... Тлѣющій каминъ...
Шалуна братишку и сестру меньшую...
Сколько было въ дѣтствѣ сладостныхъ картинъ!
Мама въ креслѣ съ нами. Говоритъ намъ сказки.
Сколько въ нихъ волшебныхъ, непонятныхъ чаръ!
Разгорѣлись лица, разгорѣлись глазки,
Щечки такъ и пышутъ, пышутъ, какъ пожаръ.
Четверо мы въ креслѣ... Какъ уютно, сладко!
Какъ тепло и славно! Какъ чудесенъ міръ!
Чудный маминъ голосъ, поцѣлуй украдкой,
Взоръ прозрачно синій, синій, какъ сапфиръ!..

□ □ □

Гдѣ ты, дорогое дѣтство безъ заботы?
Гдѣ вы, дни, какъ сказки, миръ и тишина?
Сѣрыхъ будней проза, хлопоты, работы—

Вотъ чѣмъ замѣнилась прежняя весна.
Но теперь, какъ прежде и всегда, и всюду,
Вижу взоръ я синихъ ласковыхъ очей...
Этихъ глазъ до смерти самой не забуду,
Какъ и не забуду матери рѣчей...
Далеко родная, но ея молитвы
Вслѣдъ за нами птицей рѣютъ и парятъ,
Осѣняютъ тихо въ часъ житейской битвы
И звѣздой во мракѣ пламенной горятъ.

□ □ □

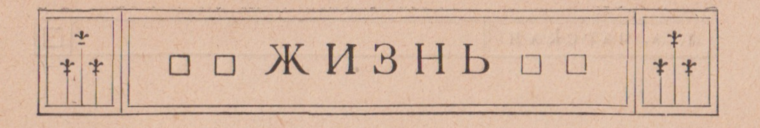

МОЯ СОСѢДКА.

Только солнце засіяетъ
Въ небѣ голубомъ,
Кто оконце отворяетъ
Предъ моимъ окномъ?
Вижу милую плутовку,
Темно-синій взглядъ,
Бѣлокурую головку
И простой нарядъ.
Это Ниночка-сосѣдка
— Здравствуй!—мнѣ кричитъ,
И букетъ цвѣтовъ нерѣдко
Мнѣ въ окно летитъ.
— Ты все пишешь? Лучше въ поле
Мы съ тобой пойдемъ
И въ лѣсу, въ саду, на волѣ
Цвѣтиковъ сберемъ.
Тамъ сіяетъ ярко солнце,
Тамъ и свѣтъ, и тѣнь.
Посмотри скорѣй въ оконце:
Что за славный день!

Брось перо—и веселѣе
Проведемъ денекъ,
Будемъ бѣгать мы въ аллеѣ,
Забѣжимъ въ лѣсокъ.
Не пойдешь?
Сердито крошка
Бросила цвѣты
И захлопнула окошко...
Нина! Гдѣ-же ты?
Гнѣвъ не дологъ у малютки...
Мигъ... и изъ окна
И левкой, и незабудки
Сыплетъ мнѣ она...

□ □ □

ЖИЗНЬ—НЕ СКАЗКА.

Жизнь—не сказка, не греза, рожденная сномъ,
Жизнь—не легкій, не радостный путь,
Ее надо прожить честнымъ, свѣтлымъ трудомъ,
Чтобы право имѣть отдохнуть.
Но не трудъ только—жизни конечный удѣлъ:
Надо чуткое сердце имѣть,
Чтобы тѣхъ, кто въ трудѣ неувѣренъ, несмѣлъ,
Этимъ сердцемъ любить и жалѣть.

□ □ □

МАТЬ.

Крошка въ жару разметался... Не спитъ...
Кто въ изголовьяхъ малютки сидитъ,
Сбоку къ нему прикорнувъ на кровать,
Губы кусаетъ, чтобъ вслухъ не рыдать?
Это—мать!

Школьникъ надъ книжкой сидитъ по ночамъ.
Надо учиться... Какъ больно глазамъ!
Мозгъ утомился и хочется спать...
Кто его будетъ бодрить, утѣшать?
Только мать!

Выстрѣлы... грохотъ... и вопли, и стоны...
Смерть не далеко... Сражается онъ.
Кто его будетъ мучительно ждать,
Страстно молиться и жгуче страдать?
Та же мать!

БОЛЬНОЙ МАЛЬЧИКЪ.

Какъ тяжело, какъ дышитъ грудь больная,
А тамъ за окнами какая благодать!
Коверъ цвѣтовъ,—цвѣтовъ душистыхъ мая,
На солнцѣ радужно и весело сверкая,
Не устаетъ благоухать.

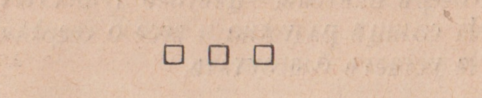
Рѣка поетъ,—поетъ такія сказки,
Какія пѣть умѣетъ лишь рѣка...
Смѣются незабудокъ глазки,
Чуть видимы издалека,
Росой обрызганы слегка.

Пойти туда! Присѣсть на первый камень,
Нарвать цвѣтовъ большой, большой букетъ.
Глядѣть наверхъ на солнца жаркій пламень,
И рѣчкѣ радостной въ отвѣтъ
Послать смѣющійся привѣтъ!

Но онъ въ плѣну у недуга, бѣдняга,
Ему чужды восторги майскихъ дней,

Живой рѣки плѣнительная сага,
Цвѣты роскошные полей
И блески солнечныхъ лучей.

Одно ему осталось утѣшенье,—
Лохматый другъ безъ словъ сказать готовъ:
— «О, потерпи! Придетъ выздоровленье,
Промчится рой тяжелыхъ сновъ...
Хозяинъ милый, будь здоровъ!»

Нищія дѣти.

Я вижу ихъ часто у старой ограды
Въ задумчивый вечера тихаго часъ,—
Бросаютъ пытливые, скорбные взгляды
Двѣ пары не-дѣтски тоскующихъ глазъ.
И тянутся къ встрѣчнымъ худыя ручонки,
Ихъ робко толкаетъ впередъ нищета...
И молятъ безъ словъ голубые глазенки:
«Подайте во имя святого Христа!»
И крупныя слезы на землю роняютъ,
Безмолвныя слезы печали нѣмой...
Самъ голодъ ихъ литься изъ глазъ заставляетъ,
Самъ голодъ съ его безысходной нуждой.
А мимо мелькаетъ людей вереница,
Не слыша, не видя несчастныхъ сиротъ...
Какія у всѣхъ равнодушныя лица
Отъ бремени собственныхъ тяжкихъ заботъ!
Сердечки малютокъ забили тревогу...
Что дѣлать имъ дальше? Какъ хлѣба достать?
И рѣетъ молитва горячая къ Богу,
И скорбь начинаетъ въ груди затихать.

Нѣтъ, нѣтъ, не одни они будутъ на свѣтѣ..
Великій Господь имъ могучій оплотъ...
О, бѣдныя, кроткія, нищія дѣти,
Надѣйтесь на Бога! Онъ любитъ сиротъ!

□ □ □

ОРЕ МАТЕРИ.

«Тише, она задремала...
Крошку мою не будите!
Видите, какъ исхудала,
Какъ поблѣднѣла, взгляните!
Какъ запеклись ея губки,
Кудри смѣшались густые,
И ужъ не дарятъ улыбки
Эти уста дорогія.
Вотъ ужъ недѣля въ кроваткѣ
Птичкой подстрѣленной бьется,
То задрожитъ въ лихорадкѣ,
То вся въ жару встрепенется.
Дышитъ съ усиліемъ грудка,
Кашель ее надрываетъ...
Видно, родная малютка
Невыносимо страдаетъ.
Чѣмъ облегчить ея муки?
Чѣмъ успокоить страданье?
Видно, безсильны науки...
Видно, безплодны роптанья!
Цѣлыми днями готова

Я ей разсказывать сказки,
Только была бы здорова,
Только сіяли бы глазки!
Цѣлыми бы днями сидѣла
Съ крошкою милой своею,
Пѣсни бы ей разныя пѣла,
Пѣсни любимыя ею.
Я бы...»
Но вдругъ оборвала
Мать свои слезныя рѣчи:
Видитъ, малютка привстала,
Дрогнули слабыя плечи,
Ярко глаза заблестѣли
И неподвижными стали...
Что-то они разсмотрѣли
Въ темной, невѣдомой дали.
— «Мама,—лепечетъ больная,—
Слышу я дивное пѣнье...
Это небеснаго рая,
Видно, открыты владѣнья.
Чувствую, дымъ ѳиміама
Тонкой струей потянулся...
Кто это около, мама,
Кто меня слабо коснулся?
Завтра я буду здорова. .
О, какъ мнѣ сладко и жутко!»
Больше ни звука... ни слова...
Стихла на-вѣки малютка...

ПОЛЕВЫЕ ЦВѢТЫ.

За книгой.

Заброшена кукла... забыты качели...
Смѣшны и ничтожны былыя невзгоды.
Какъ сонъ промелькнули, какъ сонъ пролетѣли
Недавняго дѣтства недолгіе годы...
Головкою русой склонясь надъ страницей,
Она погрузилась въ міръ новыхъ мечтаній...
А мысли бѣгутъ да бѣгутъ вереницей
И жаждутъ все новыхъ да новыхъ познаній.
Не скучно ей въ долгую пору ненастья,
Когда завываютъ зимою метели—
Съ ней милыя книги, съ ней новое счастье,
Онѣ ея юной душой завладѣли.
Забыты волшебныя нянины сказки,
Что слушались прежде въ углу, у камина.
Читаютъ внимательно каріе глазки
И мысленно видятъ иныя картины:
Убогія дѣти, безъ крова и пищи,
На улицѣ молятъ прохожихъ о хлѣбѣ,
Ихъ лица печальны и бѣдны жилища
И вся ихъ защита въ лазоревомъ небѣ.

Ей грезятся матери тихія слезы
И жаркія сына больного объятья...
И вѣритъ она, что исполнятся грезы
И счастливы будутъ несчастные братья!..
И вѣритъ она, поглощая страницы,
Что всѣмъ имъ поможетъ Творецъ всемогущій,
Что снова засвѣтятся радостью лица
И горе минуетъ далекою тучей.

□ □ □

ЗА КНИЖКОЙ.

СИРОТКА.

Вышла сиротинка раннимъ утромъ въ поле,
Много увидала цвѣтиковъ на волѣ,
Цвѣтиковъ душистыхъ: розовую кашку,
Синюю фіалку, бѣлую ромашку,
Дикаго левкоя вѣнчикъ серебристый,
Одуванчикъ нѣжный, бѣлый и пушистый.
Отъ цвѣтка къ цвѣточку, отъ травы къ былинкѣ
Переходитъ крошка... Любо сиротинкѣ!
Любо ей съ цвѣтами: ихъ она срываетъ
И изъ нихъ вѣночекъ пестрый завиваетъ
На могилку близкихъ: матери родимой,
Для отца родного, для сестры любимой,
Для малютокъ-братьевъ... Нѣтъ ужъ всѣхъ на свѣтѣ!
И для нихъ цвѣточки ретъ сиротка эти.
Рветъ и сладко грезитъ: будто, полны ласки,
Смотрятъ милыхъ сердцу любящіе глазки—
И сестры, и братьевъ, и еще другіе...
Словно звѣзды въ небѣ, кроткіе такіе!
А въ глазахъ сіяютъ чистыя росинки,
Точно жаль имъ бѣдной крошки-сиротинки.

ДАРКА.

Хмурый день глядитъ въ оконце,
Какъ-бы нехотя глядитъ;
Схоронилось въ тучкахъ солнце,
Дождикъ частый моросить.
Въ душной хатѣ печка жарко
До красна накалена,
Съ книжкой смуглая Одарка
Пріютилась у окна.
Въ этой книжкѣ міръ преданій
Про родимую страну,
Цѣлый рядъ живыхъ сказаній
Про родную старину.
Въ ней все прошлое Россіи:
Рюрикъ... Игорь... и Олегъ,
Покоренье Византіи
И кочевниковъ набѣгъ.
Въ ней Днѣпровское крещенье,
Володиміръ—князь Святой,
Въ ней Мамаево вторженье,
Куликовскій славный бой.

Покореніе Казани,
Грозный, страшный царь Иванъ...
И безчисленныя брани
Съ королями разныхъ странъ.
Петръ Первый. Дерзость шведа,
И кровавый, бранный пиръ,
И Полтавская побѣда,
И Невштадтскій славный миръ.
Времена Екатерины
И Суворовскій походъ—
Въ немъ Альпійскія вершины
Витязь приступомъ беретъ.
И двѣнадцатаго года
Незабвенная глава—
Горе русскаго народа
И сожженная Москва.
Севастополя осада
И защита славныхъ стѣнъ,
А потомъ другая страда—
Цѣлый рядъ кровавыхъ сценъ.
Дальше царь-Освободитель—
Свѣтлый правды идеалъ,
Съ нимъ и Плевны побѣдитель,
Русскій «Бѣлый генералъ».

□ □ □

Хмурый день глядитъ въ оконце,
Словно нехотя глядитъ;

Схоронилось въ тучахъ солнце,
Дождикъ частый мороситъ.
Жадно дѣвочка читаетъ
Быль и правду прежнихъ лѣтъ,
Надъ Одаркой проливаетъ
Эта книжка яркій свѣтъ.
Пусть вишневые садочки
Потеряли тѣнь вѣтвей—
Эти пламенныя строчки
Цѣлый міръ замѣнятъ ей...

У МОГИЛЫ.

Надъ могилой ея зацвѣли иммортели,
Цѣлый садъ серебристыхъ цвѣтовъ.
Трели птицъ голосистыхъ красиво звенѣли
Надъ вершинами пышныхъ холмовъ.
Уронила на землю прозрачныя слезы
Изумрудныхъ былинокъ чета.
Власти разомъ нахлынувшей, пламенной грезы
Всей душой отдалась сирота.
Тяжело ей безъ матери, нѣжно любимой,
Дѣтскимъ сердцемъ владѣетъ печаль,
И, прижавшись тоскливо къ могилкѣ родимой,
Она смотритъ задумчиво въ даль.
И мечтаетъ она отъ земли отрѣшиться
И безплотно надъ міромъ витать,
Чтобъ за міръ истомленный на небѣ молиться,
Какъ учила покойная мать.
И ей чудится будто ея дорогая
Ужъ не спитъ подъ могильнымъ крестомъ,
Парой крыльевъ лучистыхъ на солнцѣ сверкая,
Появилась она надъ холмомъ

И сказала:—«Не плачь, не тоскуй понапрасно
И не рвись всей душою ко мнѣ,
Въ нашемъ мірѣ далекомъ все тихо и ясно,
Все спокойно въ надзвѣздной странѣ.
Тамъ, внизу, раздаются глухія рыданья,
За бѣдой накипаетъ бѣда,
На землѣ, не у насъ, и печаль, и страданье,
И нужда, роковая нужда.
Ты должна имъ помочь, этимъ воплямъ безсилья,
Чѣмъ умѣешь и можешь помочь;
Тебѣ будутъ свѣтить мои бѣлыя крылья,
Если темной покажется ночь.
Въ этомъ мракѣ борьба и живое участье
Къ нуждамъ ближнихъ насъ сблизятъ съ тобой,
Дастъ увидѣть тебѣ лучезарное счастье,
Дастъ мнѣ дивный, прекрасный покой».
И замолкла, растаявъ въ стихіи простора,
И исчезла видѣніемъ сна...
Но видна она дочери. Яснаго взора
Не отводитъ отъ неба она.
Нѣтъ печали былой на душѣ одинокой,
Все понятно и радостно въ ней—
Она будетъ полезна любовью глубокой
Нуждамъ скорбныхъ, печальныхъ людей.

□ □ □

БОГІЙ ДОМИКЪ.

Скромный, старый домикъ... Ветхое крылечко...
Покривились стѣны... Покосилась печка...
Стекла потускнѣли... Шаткія ступени...
Черныя, безъ оконъ, земляныя сѣни...
Всюду бродитъ грустный призракъ разрушенья
Въ домикѣ убогомъ на краю селенья.

Днемъ и ночью такъ-то, а съ восходомъ солнца
Словно оживаютъ тусклыя оконца...
Въ нихъ мелькаютъ живо радостныя лица,
Въ домикъ забѣгаетъ дѣтокъ вереница;
На скамьяхъ садятся весело ребята...
Оживаетъ разомъ сѣренькая хата,
Слышится въ ней утромъ четкій и несмѣнный
Чей то голосъ звучный, громкій, вдохновенный.
Говоритъ тотъ голосъ о наукѣ, знаньѣ,
О Великомъ Богѣ, о людскомъ страданьѣ,
О трудахъ открытій, о подлунныхъ странахъ,
О далекихъ людяхъ, синихъ океанахъ,

О герояхъ міра, о вождяхъ извѣстныхъ,
О былыхъ картинахъ, яркихъ и чудесныхъ...
Слушаютъ тотъ голосъ, затаивъ дыханье,
Слушаютъ дѣтишки, всѣ—восторгъ, вниманье...

Пусть убогъ тотъ домикъ на краю селенья,
Онъ чертогъ—вмѣститель знанья и ученья;
Пусть кривятся стѣны, печи и оконца...
Блескъ надъ нимъ лучистый истиннаго солнца...

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Какъ глубоко задумалась она!..
Предъ ней давно знакомыя страницы...
А въ головѣ былого вереницы
Несутся сномъ... Ни звука... Тишина...
Тяжелыя и страшныя порой
Предъ ней встаютъ ея воспоминанья,
Недавно пережитыя страданья,
Тотъ годъ войны... ужасный... роковой...
И видитъ: дымъ вздымается столбомъ...
Безъ умолку грохочетъ канонада...
Такого ужаса, такого ада
Она уже не видѣла потомъ.
Съ безстрашіемъ, съ отвагою въ глазахъ
«Они» идутъ такъ бодро и спокойно.
— Смерть подъ штыкомъ желанна и достойна! —
Звучитъ у нихъ у каждаго въ ушахъ.
Косила смерть замѣтно ихъ ряды...
Они-жъ все шли, хоть падали толпами,
Съ отвагою горящими очами.
Спокойны всѣ, безстрашны и тверды

Чтобъ честь свою и славу сохранить,
Россія слала ихъ за грань отчизны
На страшный пиръ кровавой, лютой тризны—
Иль съ честью умереть, иль... побѣдить.
Тѣла кругомъ, кровавыя тѣла—
Безъ рукъ, безъ ногъ—навалены безъ счета...
За ротой шла впередъ другая рота—
И эта вся костями полегла...

II.

Сестрѣ въ ту ночь работы было много.
Повсюду стоны, вопли безъ конца...
Тутъ ампутація... тамъ плачъ... тревога...
Здѣсь смерти ждутъ—всѣхъ мукъ земныхъ вѣнца...
Одинъ солдатъ ей въ памяти остался...
Молоденькій, съ георгьевскимъ крестомъ,
На койкѣ долго, долго онъ метался
Съ измученнымъ страданіемъ лицомъ.
—«Родимая!—шепталъ онъ, изнывая,—
Должно, пришелъ мой часъ... пойди ко мнѣ...
Меня въ селѣ жена ждетъ молодая
И сынъ-малышъ. Чай, думаютъ о днѣ,
Когда вернется ихъ кормилецъ снова...
Да, вишь, не такъ случилось все опять...
Уйми мнѣ кровь! Ты видишь, лить здорова...
Скорѣй! скорѣй! Приказъ данъ наступать...
Успѣю-ли! Вотъ, вотъ они явились...

Не ждутъ, небось... Пусти меня! Пусти!
Самъ генералъ зоветъ... Вотъ, вотъ сразились...
Я посланъ имъ, чтобъ знамя унести.
Не дамъ врагу! Въ рукахъ родное знамя!
О, Господи! Ударъ мнѣ прямо въ грудь...
Голубчики...Я раненъ... кровь и пламя...
Въ глазахъ огонь... ни кикнуть... ни вздохнуть...
Но знамя здѣсь... Враги, слышь, отступили...
Мнѣ генералъ «Егорья» возложилъ...
Вдругъ пеленой глаза мнѣ затемнили...
И все-жъ слыхалъ: «Спасибо! Сослужилъ!»
Пора... Иду... Семью судьбѣ вручаю...
Родимая! Пошли имъ крестикъ мой...
Пусть берегутъ... Мнѣ душно! Умираю!
За Русь мою!..»—И умеръ, какъ герой.

III.

И скрылись вдругъ видѣній вереницы
Полета птицъ проворнѣй и быстрѣй...
И взоръ упалъ въ раскрытыя страницы
Евангелья, лежащаго предъ ней.
Кругомъ вражда и гибель, и мученье...
А здѣсь въ строкахъ любовь и тишина...
Святая книга сѣетъ миръ, прощенье...
Когда-жъ на-вѣкъ забудется война?

▫ ▫ ЗВУКИ ▫ ▫

Пѣснь скрипки.

Предъ нарядною толпою
Выступаетъ онъ впервые,
И боязнью, и надеждой
Полны глазки голубые.
Мигъ... Другой... запѣла скрипка
Неземными голосами...
Пышутъ щечки, полны глазки
Вдохновенными слезами.
Точно ангельское пѣнье
Гдѣ-то нѣжно зазвучало...
И внезапно въ шумномъ залѣ
Вдругъ все тихо, тихо стало.

▫ ▫ ▫

И полны живые звуки
Горемъ, жалобной улыбкой,
Безутѣшными слезами,
Пересказанными скрипкой.
Въ этихъ звукахъ вдохновенныхъ
Гдѣ-то борются съ нуждою,

Гдѣ-то плачутъ, гдѣ то стонутъ
Надъ копѣйкой трудовою.
Въ этихъ звукахъ свѣтъ надежды,
Упованье въ милость Бога,
Дружба, братская поддержка,
Къ правдѣ торная дорога.
И поютъ, и нѣжно стонутъ
Эта скрипка, эти звуки.
И смычкомъ владѣютъ смѣло
Дѣтски-слабенькія руки.
Мигъ... другой... и все замолкло.
Дрогнулъ залъ рукоплесканьемъ,
Поняла толпа внезапно
Міръ, наполненный страданьемъ,
Поняла толпа о нуждахъ
Сирыхъ, бѣдныхъ и голодныхъ...
Разбудила жалость скрипка
Въ душахъ черствыхъ и холодныхъ..

□ □ □

ДЖУЗЕППО-МУЗЫКАНТЪ.

Чу!.. Летятъ живые звуки,
Въ душномъ воздухѣ звеня,
Прямо въ сердце западаютъ
И волнуя, и маня.
Что такое? У крылечка
Собрался досужій людъ,
Собрался послушать звуковъ,
Что такъ радостно поютъ.
— Кто вы?
— Я, синьоръ? Джузеппо.
Изъ Италіи сюда
Я пришелъ по волѣ рока
Къ вамъ на многіе года.
Я брожу съ моей гитарой
Все по разнымъ городамъ,
И меня встрѣчаютъ лаской
И привѣтомъ здѣсь и тамъ.
Самъ я пѣсни сочиняю
Въ память родины моей,
О природѣ нашей пышной

И о царствѣ лѣтнихъ дней,
И о музыкѣ, и счастьѣ,
И о розовыхъ кустахъ,
И о радужныхъ и рѣдкихъ,—
Здѣсь невѣдомыхъ,—цвѣтахъ.
Веселъ я и беззаботенъ
И безъ устали пою,
И всѣ слушаютъ охотно
Пѣсню звонкую мою.
Но пора... A revedercі *).
Приходите, а пока...
И летятъ гроши безъ счета
Прямо въ шляпу бѣдняка.
Онъ ушелъ, а я невольно
Призадумался надъ нимъ.
Съ дѣтскихъ лѣтъ Джузеппо бродитъ
Веселъ, смѣлъ, неутомимъ.
Съ дѣтскихъ лѣтъ... А тамъ далеко
Мать-старуха ждетъ его,
День и ночь тоскуя видитъ
Въ грезахъ сына своего.
И предъ статуей Мадонны,
Чувства жуткаго полна,
Вся въ слезахъ, съ очами къ небу
Преклоняется она.

---

*) До свиданія'

Смотритъ въ ликъ Ея пречистый,
Поручая сына Ей,
И его увидѣть молитъ
Хоть на склонѣ старыхъ дней.

□ □ □

БЕППО-ПѢВЕЦЪ.

Кто знаетъ веселаго Беппо?
Нашъ Беппо веселый скрипачъ:
Онъ бродитъ со скрипкой своею
Въ столичныхъ окрестностяхъ дачъ.
Поетъ онъ подъ звучную скрипку
И души людей веселитъ,
И самъ, черноокій и смуглый,
Такъ весело, бодро глядитъ.
Кто знаетъ веселаго Беппо?
Онъ сынъ итальянскихъ долинъ,
Изъ родины жаркой и бѣдной
Пришелъ онъ на сѣверъ одинъ.
Онъ въ жалкой, глухой деревушкѣ
Съ отцомъ и сестрой проживалъ
И съ дѣтства въ веселые звуки
Всѣ чувства души выливалъ.
Отецъ его боленъ и бѣденъ,
Скончалась безвременно мать,
Но Беппо хоть молодъ, да силенъ
И пѣсни умѣетъ слагать.

Изъ теплаго южнаго края,
Гдѣ къ нимъ постучалась нужда,
Для хлѣба, насущнаго хлѣба
Пришелъ онъ на сѣверъ сюда
И пѣсней веселой своею
Содержитъ сестру и отца.
Кто знаетъ веселаго Беппо,
Веселаго Беппо—пѣвца?

□ □ □

Венеціанскія пѣсни.

Аккордъ оборвался... и пѣсня допѣта,
Но струны хранятъ еще звукъ...
— «Такія чудесныя пѣсни, Нинета,
Откуда ты знаешь, мой другъ?»
— «Мнѣ море,—сказала она,—ихъ шепнуло,
Играя соленой волной,
Ихъ синее небо мнѣ въ душу вдохнуло
Лазурной своей глубиной.
Я слышала ихъ въ полувздохѣ лагуны,
Въ тиши итальянскихъ ночей...
Имъ вторили звучно пѣвучія струны
Родной мандолины моей.
Поются онѣ нашимъ смуглымъ народомъ,
Поетъ ихъ, картавя, дитя...
Кто только изъ милой Венеціи родомъ,
Тотъ знаетъ ихъ такъ же, какъ я.
Нельзя ихъ не знать, эти пѣсни родныя,
А зная,—нельзя ихъ не пѣть.
Диктуютъ ихъ намъ небеса голубыя
И моря жемчужная сѣть».

ПЛАЧЪ РОДИНЫ.

О, родина! печальными слезами
Ты плачешь день и ночь, тоскуя и любя,
За тѣхъ, кто подъ чужими небесами
На бой идетъ, на гибель за тебя.
И смерть, и стонъ, и вопли, и могилы
Безъ счета и числа—сплошной, ужасный адъ!
Безъ жалобъ отдаетъ и жизнь свою, и силы
За честь твою родимый нашъ солдатъ.
Высоко онъ несетъ Россіи милой знамя,
Со львинымъ мужествомъ бросаясь въ смертный бой,
Въ очахъ огонь, въ груди—святое пламя...
Онъ побѣдитъ иль гибнетъ, какъ герой.
О, пусть теперь невзгоды, горе, бѣды,
Печаль кругомъ, гнетущая печаль...
Настанетъ день, великій день побѣды,
И прояснится сумрачная даль.
И смолкнутъ громъ и бранныя угрозы,
И тихія настанутъ времена...
О, родина, утри свои святыя слезы
И вѣрь, что славою закончится война!

Тихій уголокъ.

Я знаю уголокъ запущеннаго сада:
Тамъ позабытый прудъ съ прибрежною ольхой,
Плющомъ поросшая старинная ограда
И высохшій тростникъ, высокій и прямой.
И въ зеркалѣ воды все то-же отраженье:
Ограда и тростникъ, и небо, и ольха...
Кругомъ повсюду тишь, и только дуновенье
Отъ вѣтра шевельнетъ верхушки тростника.
Здѣсь, въ этомъ уголку, любимомъ, незабвенномъ,
Полна вся трепета, волненья и огня,
Въ порывѣ сладостномъ, въ восторгѣ вдохновенномъ
Мой первый робкій стихъ сложила какъ-то я!
Ольха и тростники мнѣ риѳмы нашептали,
Забытый всѣми прудъ мнѣ сказки разсказалъ...
Смѣялись мнѣ одной лазоревыя дали,
И солнца вешній лучъ мнѣ радостно блисталъ.
И пѣсни звонкія, и долгія поэмы
Слагались здѣсь въ тиши удачнѣй и милѣй...
Здѣсь легче въ голову мнѣ приходили темы,
И риѳмы звонкія звучали здѣсь смѣлѣй.

Вотъ почему люблю я нѣжно уголъ милый
И посѣщаю на день много, много разъ ..
За вдохновенья даръ, ольха и прудъ унылый,
Тростникъ и небеса, благословляю васъ!

☐ ☐ ☐

Двѣ рощи.

Словно невѣсту подъ пышной фатою,
Въ яркомъ убранствѣ цвѣтовъ,
Вижу я рощу душистой весною
Между зеленыхъ луговъ.
Здѣсь розоватые, тамъ голубые
Всюду мелькали цвѣты,
Солнце имъ слало лучи золотые
Въ честь ихъ живой красоты...
Помню я рощу въ иныя минуты:
Снѣгомъ покрыто все въ ней,
На рѣку пали тяжелыя путы
Изъ голубыхъ хрусталей.
Пѣла въ ней вьюга, свистя, завывая,
Мракъ непроглядный царилъ,
Вѣтеръ, вершины деревьевъ качая,
Сказки безъ словъ говорилъ.
Бодрыя, сильныя, крѣпкія дѣти
То же, что роща въ цвѣтахъ:
Радостно, весело жить имъ на свѣтѣ,
Чужды имъ муки и страхъ.

Только какъ зимняя роща милѣе
Рощи мнѣ пышной весной,
Такъ и для сердца ребенокъ роднѣе
Хрупкій, печальный, больной.

□ □ □

Былые дни.

Шумъ и игры... Смѣхъ и слезы...
Суета былыхъ проказъ...
Солнца блескъ и розы, розы...
Все воскресло вновь сейчасъ!
Вспоминаю дни былые,
Дѣтства радостные дни,
Дни, какъ въ сказкѣ, золотые,
Дни, какъ праздникъ. Гдѣ они?
Такъ давно и такъ недавно,
Такъ прекрасно и полно,
Пролетѣло дѣтство плавно
И исчезло... Гдѣ оно?
Гдѣ веселый смѣхъ и слезы?..
Шумъ и игры?.. Солнца лучъ?
Солнце скрылось... Свяли розы...
Жизнь темна отъ сѣрыхъ тучъ...

□ □ □

ЛИСТЬЯ ПАДАЮТЪ

Промелькнуло лѣто.

Сказкою полночной, яркой и волшебной,
Дружескою лаской, полною привѣта,
Ясною улыбкой, пѣсенкой хвалебной,
Розовою грезой — промелькнуло лѣто.
Промелькнуло лѣто, пѣсни замолчали,
Двинулись по небу птичьи караваны,
И стоятъ деревья, полныя печали,
Да плывутъ изъ лѣса сѣрые туманы.
А еще недавно рощи, лѣсъ и нивы,
Пышно одѣваясь, привлекали взоры
Цвѣтомъ изумруда, бархатной оливы,
Ярко наряжаясь въ пестрые уборы.
Промелькнуло лѣто дивной, свѣтлой сказкой...
Уступило мѣсто осени угрюмой,
Словно незнакомой съ дружескою лаской,
Словно удрученной постоянной думой.
И махнула осень блѣдною рукою,
И упали съ лѣса пышныя одежды...
И махнула снова хмурая другою —
И закрылись солнца золотыя вѣжды.

И погибли скоро астры, незабудки,
Умерли левкои, розы и жасмины...
Маргаритки скромно, бѣдныя малютки,
До весны заснули посреди куртины.
Зашумѣли вѣтры, листья зашуршали,
Глухо зароптали капли дождевыя...
Поднялись туманы до нагорной дали...
Потемнѣли рѣчекъ струи голубыя...

□ □ □

Листья падаютъ.

Листья падаютъ, желтѣя,
Съ липы, ивы и березы;
Обнажается аллея,
Солнце свѣтитъ, какъ сквозь слезы,
По рѣкѣ ползутъ туманы,
Нѣту пѣсни соловьиной.
Вонъ, по небу караваны
Рѣютъ стаей журавлиной.
«Стойте, птицы, подождите,
Я открою лишь оконце...
Знаю, вы опять летите
Въ страны розановъ и солнца,
Въ страны синяго эфира,
Пѣсней, смѣха, аромата,
Гдѣ природа въ сердцѣ міра
Такъ раскинулась богато.
Тамъ, среди чужого края,
И больна, и одинока,
Тамъ живетъ моя родная,
Мама милая, далеко.

Вотъ ужъ скоро больше года,
Какъ ее туда послали...
— Вамъ поможетъ тамъ природа—
Доктора тогда сказали.
Птички! Тамъ, гдѣ блещетъ солнце,
Въ тепломъ краѣ вы спуститесь,
Постучитесь къ ней въ оконце
И отъ дочки поклонитесь!»
Рощу зеленью одѣла
Вновь роскошно фея мая,
Трель соловки зазвенѣла,
До зари не умолкая.
Снова ярко блещетъ солнце,
Снова рѣчка серебрится...
— Кто въ закрытое оконце
На зарѣ ко мнѣ стучится?—
Это клювъ залетной птицы:
— Открывай окно, родная,
Вновь слетѣлись вереницы
Насъ изъ розоваго края.
Принесли поклонъ родимой,
И привѣтъ въ четыре слова
Отъ желанной, отъ любимой:
«Жди. Пріѣду Я здорова».

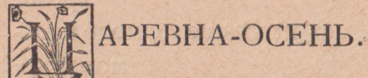
□ □ □

Начало осени.

Хмурой осени взглядъ ледяной
Пробѣжалъ по сіянью лазури,
Скрылся солнечный лучъ золотой,
Зашумѣли и вихри, и бури.
Облетѣли съ деревьевъ листы
Съ гибкихъ вѣтокъ осинъ и березы,
И послѣдніе лѣта цвѣты
Точатъ тихо предсмертныя слезы.
О, не плачьте! подъ кровомъ снѣговъ
Вы проспите до вешняго мая,
И отъ долгихъ, томительныхъ сновъ
Васъ разбудитъ весна молодая
И одѣнетъ васъ въ пышный нарядъ,
И обрызгаетъ снова росою...
Ваши вѣнчики вновь заблестятъ
Лучезарной, живой красотою.
Пусть печаленъ и дологъ вашъ сонъ,
Пусть предсмертное горько смятенье...
Что-жъ? Чѣмъ будетъ томительнѣй онъ,
Тѣмъ чудеснѣй, милѣй пробужденье...

Осень.

Стало пасмурнѣе небо,
Вѣтерокъ сильнѣй...
Птичьи хоры замолчали
Въ зелени вѣтвей.
Рѣчка словно пріумолкла,
Пріумолкъ и садъ...
Розы пышныя не дарятъ
Нѣжный ароматъ:
Отцвѣли онѣ за лѣто.
Листъ съ деревъ упалъ.
Съ трелью звонко-серебристой
Соловей пропалъ.
Въ ризахъ желтыхъ и багряныхъ,
Съ холодомъ въ лицѣ,
Подобралась снова осень
Въ золотомъ вѣнцѣ.
Всколыхнулось красно-лѣто,
Уступая ей...
Цѣлый годъ опять придется
Ждать веселыхъ дней!

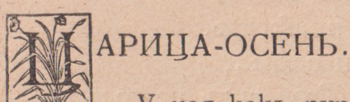

Царевна-Осень.

Златокудрая царевна въ сарафанѣ расписномъ
Ходитъ, бродитъ величаво, гордо по міру кругомъ.
И куда ни ступитъ пестрый, хитросшитый башмачокъ,
Все подъ нимъ желтѣетъ мигомъ, и былинка, и цвѣтокъ.
Чуть махнетъ рукой царевна—обнажаются кусты,
Умирая никнутъ долу ароматные цвѣты...
Отъ единаго движенья желто-матовой руки
Застываютъ, холодѣютъ воды быстрыя рѣки.
Взглянетъ на небо царевна—солнце скроется сейчасъ,
Не выноситъ, видно, солнце взора этихъ сѣрыхъ глазъ!
А царевна ходитъ, бродитъ, не присядетъ отдохнуть,
Видно важный, видно спѣшный предстоитъ ей длинный путь.
И спѣшитъ душа-царевна прекратить скорѣй обходъ,

А не то шалунъ-морозецъ ей навстрѣчу подойдетъ;
Забросаетъ снѣга тучей, пѣсныо выоги оглушитъ,
Бѣлымъ инеемъ, какъ пудрой, кудрей кольца запушитъ,
И, ударивъ въ пляску живо, весь исполненъ смѣлыхъ грезъ,
Закричитъ: «Встрѣчайте, люди! Вышелъ молодецъ-морозъ!»
Опечалится царевна, станетъ савана бѣлѣй,
И польются тихо слезы изъ задумчивыхъ очей...
Ахъ, пришлось царить недолго,—видитъ дѣвица сама,
Въ бѣлой шубкѣ уже катитъ въ санкахъ матушка-зима.

ЦАРИЦА-ОСЕНЬ.

У нея какъ пурпуръ кудри,
Діадема въ волосахъ,
Она бродитъ, словно призракъ,
Въ заповѣданныхъ лѣсахъ.
У нея какъ пурпуръ кудри,
Руки какъ изъ янтаря,
Ей покорны, ей подвластны
И дубравы, и моря.
Точно ледъ ея дыханье,
Взоръ—какъ смерти поцѣлуй.
Передъ нею блекнутъ травы,
Глуше лепетъ вѣщихъ струй.
Вихрь при ней куда вольнѣе
Рыщетъ всюду и вездѣ.
Точно вѣрный пажъ царевны,
Неразлученъ съ ней нигдѣ.
Астры блекнутъ, сгибли розы,
Лишь настурцій яркій цвѣтъ
На кудряхъ янтарно-красныхъ
Грозной осени надѣтъ...

Вотъ прошла лѣса и нивы,
Рѣки синія прошла,
Пробралась и въ садъ тѣнистый,
На крыльцо и въ домъ взошла.
Холодъ, мракъ, дожди и вѣтеръ
Привела съ собой она,
Торжествуетъ и ликуетъ,
Дикой рѣзвости полна...
Нѣтъ, постой! Твой пиръ не дологъ,
На тебя управа есть!
Въ чащѣ лѣса гротъ хрустальный
Не успѣлъ еще расцвѣсть.
Въ немъ цвѣты вплетаетъ стужа
Въ бѣлый дѣвственный вѣнецъ.
Какъ готовъ вѣнецъ тотъ будетъ—
Грозной осени—конецъ!
И царевичъ ясноглазый,
Весь въ одеждѣ серебра,
Крикнетъ осени задорно:
— «Уходи! Тебѣ пора!»
И въ тотъ мигъ скуетъ онъ рѣки,
Нивы, поле закуетъ
И другую пѣсню звучно,
Громко, весело споетъ...
А замолкнетъ пѣсня эта,
Вновь послышится свирѣль,
И въ фіалковомъ нарядѣ
Выйдетъ юноша-апрѣль.

Не король онъ, не царевичь,
Онъ—волшебникъ дивныхъ странъ,
Онъ—безъ бури смѣлъ и буенъ,
Онъ—безъ вѣтра ураганъ,
Онъ растворитъ дверь дубравы,
Раскуетъ оковы льда,
Усмѣхнется, улыбнется,
Лучезарный какъ звѣзда...

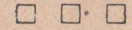
□ □ □

ЗАСТЫЛЪ РОДНИКЪ.

Застылъ родникъ. . Завяли розы...
Съ вѣтвей упалъ густой покровъ.
Исчезли призрачныя грезы,
И съ ними рой далекихъ сновъ.

Стоятъ печальныя куртины,
И мертвы вялые цвѣты,
Но позабытыя мечты
Влекутъ печальныя картины...

О, пусть падутъ оковы сна
На грудь застывшую природы,
Промчатся мѣсяцы, не годы,
И снова явится весна...

ЗИМА.

СНѢЖИНКИ

Путникъ.

Холодно... жутко... морозно...
Ели и сосны скрипятъ,
Снѣжные бѣлые хлопья
Красятъ ихъ зимній нарядъ.
Царство здѣсь дѣда-Мороза,
Пѣсни здѣсь старый поетъ;
Путникъ, его ты не слушай,
Быстро свершай ты свой путь,—
Боже избави замедлить
Или присѣсть отдохнуть.
Только присядешь—дремотой
Сладкой забудешься вмигъ,
Снами тебя зачаруетъ
Хитрый, лукавый старикъ.
Прыгая съ елки на елку
Путниковъ въ гости зоветъ;
Сладки медовыя рѣчи,
Дѣдушка ласковъ и милъ;
Только онъ ласкою этой
Много людей загубилъ;

Быстро, легко ты замерзнешь
Въ сладкомъ, чарующемъ снѣ;
Смерть подкрадется тихонько
Въ этой лѣсной тишинѣ...
Дальше отъ дѣда-Мороза!
Бойся ты пуще всего
Пѣсни заманчиво-нѣжной,
Ласки студеной его!

□ □ □ .

ИМА.

Кто въ пуховой шубкѣ бѣлой
Легкой поступью и смѣлой
Вышелъ въ часъ утра?
На кудряхъ ея пушистыхъ
Много блестокъ золотистыхъ,
Много серебра.
Эти локоны сѣдые,
Крупно въ кольца завитые,
Бьются о плечо.
На губахъ зари багрянецъ,
На щекахъ живой румянецъ
Пышетъ горячо.
Рукавичкою взмахнула—
Разъ! Куда-бы ни взглянула,
Застланъ бѣлъ-коверъ.
Новый взмахъ, и рѣчка стала,
Та, что звонко лепетала
Съ давнихъ поръ.
Кверху руку поднимаетъ:
Вмигъ деревья накрываетъ

Чистымъ серебромъ.
По вершинамъ бродятъ взоры—
И роскошные узоры
Вытканы кругомъ!
Эта бѣлая шубейка
Всѣмъ знакома, чародѣйка—
Матушка-зима.
Съ легкой поступью небрежной,
Съ пеленою бѣлоснѣжной
Вотъ она сама!
Припасайте-жъ въ эту пору
Снѣговую, дѣтки, гору,
На рѣкѣ катокъ,
Благо солнечный и ясный,
Чуть морозный, но прекрасный
Выдался денекъ!

□ □ □

Ъ НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ.

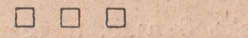
Какъ бывало, и теперь
Ровно въ полночь стукнетъ дверь,
И, какъ званный гость, войдетъ
Къ намъ желанный Новый годъ.

Много радостей, утѣхъ
Онъ несетъ съ собой для всѣхъ—
Для большихъ и для дѣтей
Въ легкой сумочкѣ своей.

Въ эту радостную ночь
Старый годъ уходитъ прочь
И на склонѣ древнихъ лѣтъ
Шлетъ прощальный свой привѣтъ.

Годъ прошедшій, добрый путь!
По тебѣ не ноетъ грудь,
На прощанье нѣту слезъ,
Мысли полны сладкихъ грезъ...

Вотъ онъ!.. Блещетъ красотой
Годъ прекрасный, молодой!..
Кудри вьются на груди...
Будь желанный гость!.. Входи!

ВСТРѢЧА.

Два года встрѣтились. Одинъ—старикъ,
Измученный, съ сѣдою бородою,
Своимъ челомъ морщинистымъ поникъ,
Поникъ больной, усталой головою.
И юноша съ чарующимъ лицомъ
Навстрѣчу шелъ своей походкой гибкой,
Съ кудрями надъ восторженнымъ челомъ
И съ ясною и свѣтлою улыбкой.
— «Иди себѣ!—онъ старому вѣщалъ,—
Ты обманулъ людскія ожиданья:
Ты, старый годъ, имъ счастье обѣщалъ,
А далъ взамѣнъ лишь муки да страданья.
А я имъ дамъ довольство, урожай,
Здоровье, миръ, веселье и свободу...
Я царствую, а ты, старикъ, ступай
И мѣсто дай мнѣ, молодому году!»
— «Дитя, дитя,—отвѣтилъ старый годъ,—
Тебя прельщаетъ праздникъ шумной встрѣчи,
Тебя дурманятъ слава и почетъ
И въ честь твою торжественныя рѣчи!

Какъ юный царь увѣренъ ты въ себѣ,
Но минетъ годъ—съ тебя сорвутъ порфиру,
И ты, подвластный мачихѣ-судьбѣ,
Уйдешь, какъ я, ненужный больше міру!»

□ □ □